

Фантастические миры

Константин Калбазов

ПСС

Страж

Пёс

Константин Калбазов

Пёс. Страж

«Автор»

2013

Калбазов К. Г.

Пёс. Страж / К. Г. Калбазов — «Автор», 2013 — (Пёс)

ISBN 978-5-9922-1418-5

Всю свою жизнь служить Родине и стоять на страже ее интересов. Сражаться и умереть во славу ее и своего народа. К этому всегда готов каждый рыцарь. К этому обязывает понятие рыцарской чести и долга. Ему не повезло. Присяга и долг обязали его служить своему королевству там, где понятие честь практически ничего не значит, а воинская доблесть почти не нужна. Быть хитрее, изворотливее, коварнее врагов королевства – вот что от него требуется. Уподобиться сторожевому псу при королевском доме Несвижа. Но он готов платить эту цену, потому что первым в его сердце всегда был и останется Несвиж, его родина, его дом, его судьба.

ISBN 978-5-9922-1418-5

© Калбазов К. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Константин Калбазов

Страж

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Сэр Жерар, барон Гатине

Гх-ха, гх-ха, гх-ха!

На этот раз приступ кашля был особенно сильным. Казалось, мужчину, лежащего на широкой постели с балдахинном, сейчас вывернет наизнанку или как минимум он начнет выплевывать свои легкие. Однако, несмотря на тяжелое состояние больного, мучительный кашель все же прекратился и ни одно из предположений так и не оправдалось. Мужчина с облегчением откинулся на подушки, подоткнутые таким образом, чтобы он мог сохранять хотя бы подобие сидячего положения. Рука с зажатым в ней платком безвольно упала на одеяло, и тут стало заметно, что совсем уж бесследно приступ кашля не прошел. На белой тряпице отчетливо виднелось розовое пятно, и не было никаких сомнений в его происхождении.

Сухонький старичок, все еще сохраняющий осанку и вполне крепкий, тут же приблизился к больному. С абсолютно непроницаемым лицом забрал из разжавшейся ладони страдальца испачканный платок, а вместо него положил свежий, выстиранный и выглаженный заботливыми руками. Вот так сразу и не поймешь, как старик относится к происходящему. Но это только поначалу: стоит повнимательнее присмотреться – и в глазах можно будет безошибочно прочесть боль и страдание, разъедающие его изнутри. Нет, не безразлична ему судьба больного, хотя по почтительному отношению точно ясно, что между ними пропасть.

Но возможно ли такое, если один из них – слуга, а другой – господин? Возможно, если ты присматриваешь за ребенком с младенчества и он растет на твоих глазах. Вот он мальчик, а вот уже юноша, который стремительно превращается в молодого человека, полного душевных и физических сил. И наконец настает момент, когда ты с затаенным страхом провожаешь его в первый поход. Он воодушевлен в предвкушении новых приключений и ощущений, а ты не можешь на это смотреть спокойно: там, куда отправляется воспитанник, много опасностей. Тебе давно уже не безразличен этот ветреный мальчишка, каковым он для тебя остался и по сей день.

Проходят годы. Ты превращаешься в старика, а тот, в кого ты вложил всю душу, превращается в статного сильного мужчину. Но он тебе все так же дорог, и ты не можешь взирать на него просто как на сюзерена. И вдруг случается такое, что ты со всем грузом своих лет остаешься на ногах, а мужчину в расцвете сил внезапно подкашивает болезнь. Ну и какими глазами взирать на то безобразие, которое устраивает капризная и своенравная судьба?

– Спасибо, Бернард, – тяжело дыша, поблагодарил больной. Бросив внимательный взгляд на старого слугу, ободряюще улыбнулся: – Выше нос, старина. Я еще жив.

С каждым словом речь больного становится все тверже. Хотя голос дрожит и заметна хрипотца, но уже окончательно ясно – приступ миновал. Теперь у мужчины есть передышка часа в два... До следующего приступа мучительного выворачивающего кашля. Но проводить время в ожидании больной не собирается. Большую часть жизни он провел в беспрестанных заботах, трудах и походах, безделье загнало бы его в гроб быстрее болезни.

– Бернард, позови лекаря.

– В этом нет необходимости, ваше величество, – раздался молодой и сильный голос из угла большой спальни.

Больной посмотрел в ту сторону, где находился лекарь, и его взгляд остановился на мужчине среднего сложения, лет тридцати на вид. Однако внешность обманчива. Этому мужчине сейчас гораздо больше лет, чем Бернарду, эдак раза в два, и до старости ему еще ой как далеко. Лекарь. Скорее уж колдун. Но колдун полезный, уже не одно поколение служит королевскому дому Несвижа. Впрочем, служит – слишком громко сказано. Эти колдуны – вообще своеобраз-

разный народ. Они живут сами по себе, выбирая спутников жизни по мотивам и критериям, понятным им одним. Вот и учитель этого колдуна когда-то выбрал прапрапрадочника ныне восседающего на престоле Георга Третьего, барона Авене, Вассенберга, Кастро, Комона, графа Гиннегау, Хемрода, короля Несвижа. Скажем так, он является другом и спутником королевского дома, который некогда выбрал себе его учитель, ныне покойный. Колдуны жили значительно дольше обычных людей, но вовсе не были бессмертными. Впрочем, убить кого-то из них – не столь уж простое занятие. Сами они предпочитали называть себя мастерами. Но их все по привычке называли лекарями.

Когда-то, несколько сотен лет назад, церковь начала забирать слишком много власти в свои руки. Церковники хотели объявить поход на лекарей-колдунов, но вынуждены были отступить. Эта братия оказалась не так проста: понимая, что в одиночку им не выстоять, колдуны начали прибиваться к различным владетелям, которые могли бы их защитить, а вернее, совместно с которыми им удалось бы это сделать. Эти люди (или и не люди вовсе) оказались очень полезными. Используя с умом их способности, можно было достигнуть многого, что сумели оценить при всех дворах.

Точнее говоря, это понимание пришло постепенно. Поэтому властители, сумевшие разглядеть выгоду раньше остальных, получили рядом с собой лучшего лекаря. Правда, тут немало зависело и от личной симпатии приглашаемого ко двору. Наличие сильного государства никак не гарантировало наличие сильного лекаря при дворе. Например, самый признанный из светлых мастеров находился при дворе графства Бефсан, и никакая сила не могла его подвигнуть изменить своему выбору.

Были и темные мастера. Это те, кто предпочел остаться полностью независимым. Темными они прозывались вовсе не из-за того, что служили каким-то темным силам. Все гораздо проще. Они всегда находились в тени, в самом темном углу, не гнушались темными делишками, по причине чего имели весьма ограниченную клиентуру, а за услуги брали очень дорого, и не всегда их можно было покрыть золотом. Порой в оплату требовалось доставить нечто редкое, необходимое для работы мастера.

Мастера постоянно совершенствовались, постигая все новые знания. Обычно мастер брал себе одного ученика, крайне редко – двоих. На то существовало три причины. Во-первых, не так уж много среди людей тех, кто обладает даром, чтобы стать мастером. Во-вторых, беря себе ученика, мастер фактически усыновляет его: им предстоит прожить вместе долгие-долгие годы, а значит, нужна родственная душа. И наконец, в-третьих, избранный должен желать учиться, получать от этого удовольствие и быть готовым посвятить свою жизнь лишь этому ремеслу. Каждая из трех причин – уже серьезное препятствие само по себе, а в совокупности...

– Что же ты прячешься в углу, словно темный мастер, и спокойно зришь на то, как я тут издыхаю? – горько улыбнулся страдающий от болезни король.

– Вам известно, ваше величество, что помочь я вам пока не могу. Мне по силам только облегчить ваши страдания. Но я уже объяснял, почему не следует этого делать.

– Я помню. Проклятие. Сколько мне еще осталось?

– Вам известен ответ на этот вопрос. Но коли уж вам хочется услышать еще раз, то...

– Три месяца, – устало вздохнул больной. – Всего лишь три месяца.

– Или много больше. Если удастся выйти на след того темного, что наслал на вас порчу.

– Поди еще найди его.

– Я уже говорил барону Гатине, что следует искать тех, кому это выгодно, а через них выходить на колдуна.

– На этот вопрос ответить проще простого. Выгоднее всего это моему брату, королю Памфии. Ему пришлось не по вкусу, как я сумел надрать ему задницу и отобрать графство Хемрод.

– Но, возможно, враг куда ближе. Среди влиятельных дворян Несвижа.

– Нет, тут точно торчат уши Джона. Другое дело, что это знание ничуть не поможет нам, ведь нужен именно тот, кто наслал порчу, а его-то мы и не знаем.

– Значит, нам нужен тот, кто при Джоне занимается тем же, что и Жерар при вас.

– Бедолага погиб. Несчастный случай на охоте.

– Вот как, – вскинул брови лекарь.

– Именно так. Джон не мальчик в интригах и заговорах. Даже если предположить невероятное – что его удастся пленить, – то под самыми ужасными пытками нам ничего не удастся выведать, кроме того, что он отдал этот приказ. Все знал только его верный пес, который уже лежит в сырой земле.

Лицо короля исказилось от приступа боли, на чуть порозовевшее лицо вновь напознала бледность. Господи, и зачем себя так мучить, когда можно отойти в мир иной, не подвергая себя таким страданиям! Но на то были причины. Еще не пропала надежда найти темного мастера, наславшего порчу, хотя она была призрачной. Главное же – еще не все дела завершены, чтобы передать престол в руки наследника. А вот тут возникли очень серьезные сложности. Просто катастрофические.

Тот метод, что мог принести облегчение, угробил бы больного в считанные дни, хотя король угас бы без мучений и пребывая в полном покое. Слабый духом, скорее всего, пошел бы на это, но Георг Третий отличался стальным характером и силой воли. Поэтому он предпочитал борьбу. Безнадежную, причиняющую страдания и непередаваемую боль, но борьбу. Он не будет знать покоя на том свете, если оставит после себя не мощное, способное выдержать любые беды и невзгоды государство, а готовое сверзиться в пропасть. Именно так все и будет, стоит только ему устраниваться.

– Вот выпейте, ваше величество. Боль никуда не уйдет, но по крайней мере значительно притупится.

– Господи, ну почему твои настои такие отвратные на вкус! Уж и не знаю, что проще – пить их или страдать от боли.

– Сильная боль туманит разум, он же вам нужен чистым. Вижу, вам полегчало.

– Да, благодарю.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошел давешний слуга, который покинул спальню, как только в нем отпала необходимость. Выпрямившись, вскинул подбородок, словно ничего не происходит и он сейчас в кабинете короля, а тот восседает за рабочим столом, а не лежит смертельно больной в своей спальне, пропитавшейся запахами, далекими от источаемых луговыми цветами. Видно, что старику это дается с трудом, но он честно выполняет свой долг, а приказ короля был однозначен. Текущие дела находятся в ведении наследника, под приглядом секретаря, который каждый день является с кратким отчетом. Все важные вопросы – только через короля и никак иначе. Степень важности, разумеется, опять-таки определяет секретарь. Это очень не нравилось наследнику, но Георг Третий предложил ему заткнуться и дожидаться смерти отца, а потом уж думать над тем, что ему нравится, а что нет.

– Барон Жерар Гатине, – произнес твердым голосом слуга.

– Пусть войдет, – тут же распорядился король.

– Пожалуй, пойду займусь своими делами, – тут же направился к двери мастер.

– Конечно, мастер Бенедикт, – легко согласился король.

Оба знали, что лекарь не уйдет далеко. Он будет находиться в соседних помещениях, отведенных ему на время болезни короля, и явится по первому зову. Но сейчас Георгу нужно заняться делами государственными, а разговор барона и короля не стоит слышать никому.

Едва удалились лекарь и слуга, в спальню вошел высокий, невероятно крепкого сложения мужчина. Он был облачен в доспехи, словно собрался в военный поход, а не на доклад к королю. Он всегда был в полном снаряжении, хотя уже успел позабыть, когда в последний раз несся в атаку, на боевом коне, в монолитном строю рыцарской конницы. Было время – и он

имел славу отменного рубаки, не боялся ни черта, ни дьявола, но уже многие годы он вынужден сторониться поля брани, ведя борьбу в иной плоскости. Привычка же носить доспехи вьелась ему в кровь, и без них он чувствовал себя голым. Кстати будет заметить, наличие брони пару раз спасало ему жизнь, когда он попадал в расставленные ловушки. Быть правой рукой короля, причем в весьма щепетильных делах, – не такое уж безопасное занятие.

– Жерар, дружище, не торчи у двери.

Барон правильно понял своего сюзерена. Оно и верно: чем тише разговор, тем надежнее. К тому же их беседы практически всегда отличались таинственностью. Что поделывать – специфика рода занятий барона.

– Докладывай.

– Георг... Мне кое-что удалось выяснить.

Он запросто обращался к королю, перед которым робели, если не сказать больше, не только подданные, но и многие власть имущие за пределами королевства. Впрочем, всем известно, что эти двое дружны с младенчества, мало того – молочные братья, так что услышь кто случайно подобное обращение – не сильно удивился бы.

– Не тяни. Я не в том состоянии, чтобы играть в эти игры.

– Прости. Привычка.

– Ничего.

– Мы ошибались. Джон тут ни при чем. Хотя все обставили именно так. Это Загрос. Они слишком крепко увязли в Кармеле и все еще не привели к окончательной покорности тамошнее население. Ты оказался слишком талантливым полководцем в отличие от своего отца, слишком умным управленцем и слишком амбициозным. Ни для кого не секрет, что Памфия не выстоит и ее падение – лишь вопрос времени. Бефсан имеет все шансы войти в состав королевства без войны. К тому моменту, когда проблема с Кармелем будет решена окончательно, перед Загросом встанет вопрос, как быть дальше, потому что на их пути встанет довольно сильное королевство. Ты мешаешь их будущим замыслам. Первый удар был по твоему старшему сыну, который мог стать тебе достойной заменой. Тот вурдалак совсем не случайно оказался столь проворным и изворотливым.

Виктор. Точная копия своего отца что лицом, что статью, что умом, что талантом полководца. Глядя на него, не возникало никаких сомнений – он будет достойной заменой нынешнему королю. В последней войне он показал себя как отличный военачальник, командуя отдельным отрядом и сдерживая своими действиями возле Кастро значительные силы памфицев, что во многом определило разгром армии Джона и оккупацию графства Хемрод.

Когда пришла пора обзавестись теми, кто составит его ближний круг, и научиться управлять, король отдал под руку сына графство Гиннегау, являвшееся собственностью короны. Молодой принц проявил себя с наилучшей стороны, значительно повысив благосостояние графства, дав понять всем, что кое-чего стоит не только на поле брани.

Все случилось совсем неожиданно. Во время инспекторской поездки к эскорту Виктора выбежала женщина и сообщила, что на их ферму напал вурдалак. Страшное животное. Именно животное, потому что вурдалак напоминает огромного медведя, наделенного неким разумом или скорее безумием. Он отличается свирепостью и ненасытностью, прямо-таки жадной убийства. Для него нет разницы, кого убивать, главное – убивать. В тех местах, где появляется вурдалак, практически исчезает живность. Достается и людям. В отличие от того же волколака он убивает всех без разбора и не боится нападать даже на вооруженные отряды.

Виктор был настоящим сюзереном. Не имело значения, что речь шла всего лишь о крестьянской семье. Это были его подданные, а его долг, долг сюзерена, – защищать их и оберегать от любой опасности. Вместе с эскортом быстро удалось напасть на след безумного зверя, но тот сумел запутать следы и исхитрился напасть первым. Напасть именно на Виктора, который шел хотя и не в середине отряда, но и не в голове. Атака была совершенно неожиданной и стреми-

тельной настолько, что запоздавшие всего лишь на несколько секунд воины безнадежно опоздали. Доспехи принца выдержали безумный натиск, и если бы зверь не сломал своей жертве шею, то ничего страшного не случилось бы. Но случилось именно худшее.

До сих пор считалось, что имел место несчастный случай, от которого никто не застрахован. Однако барон Гатине полагает иначе, а он слов на ветер бросать не станет. У короля слишком мало времени, а потому в подробные обстоятельства этого дела он вдаваться не собирается. Так – значит, так.

- Продолжай, – справившись с нахлынувшими чувствами, приказал Георг.
- Второй удар – по тебе. Как именно и каким образом, выяснить не удалось.
- Шансы?
- Очень малы. Практически нет.
- Почему ты так уверен, что удар нанесли именно загросцы?
- Есть кое-какие обстоятельства.
- Только цели. Чего они хотят?

– Это многоходовая комбинация с множеством вероятностей. Если мы убедимся, что это работа памфийцев, то следует ожидать подобного удара по ним или же прямого вторжения. После последней войны и наша, и памфийская армия не в лучшем виде, но если мы все же ударим, то, несомненно, сокрушим противника. Однако в этом случае нам будет нечем противостоять Люцину, Мгалину и Лангтону. Несвиж разорвут на части. Там уже всюду трудятся загросские посланцы, которые всячески умамливают королей и вдалбливают им в головы, будто Несвиж практически на последнем издыхании.

– Даже если Джон в своей самоуверенности решит атаковать Несвиж, понадеявшись на то, что на троне восседает такой бездарь, как Гийом, все одно остаются мои соратники, которые не дадут пропасть моим трудам и разобьют его. – Король выразительно посмотрел на барона, и тот, замаявшись на пару секунд, все же утвердительно кивнул. – Наши соседи могут подумать все, что угодно, но вести войну от обороны и атаковать – это разные вещи, так что они тоже умоются. Но тогда силы Несвижа будут подорваны, и очень сильно. Гийом не сможет восстановить армию в былом виде, и, когда придет время, он не сумеет противостоять загросцам.

– Примерно к этим выводам пришел и я.

– Значит, нужно ударить по загросцам. Не силой меча, а направив туда кинжал и яд. А может, следует отплатить им той же монетой, использовав темного мастера.

– Я об этом уже думал, – произнес барон, ничуть не пытаясь скрывать тот факт, что подобный человек у него есть. – Но, полагаю, этим самым мы сыграем на руку загросцам. Там нет монархии, у власти стоит совет представителей всех домов. Они между собой не ладят и постоянно плетут друг против друга интриги. Уверен, что когда я сунусь в Загрос, то пойду по неверному следу. В результате наш удар попадет не в того, кого надо, и истинный виновник останется в выигрыше. Над этим планом поработал кто-то очень умный и изворотливый. Я буду продолжать работать в этом направлении и клянусь, что ты с небес сможешь наблюдать за отмщением.

– Мечь – непростительная роскошь для короля. Эту партию я проиграл, и тут ничего не поделаешь, – тяжело вздохнул Георг, вновь скривившись от боли.

Он показал барону на кубок, из которого его потчевал лекарь. Варено на вкус было отвратным, обладало не менее неприятным запахом, но давало хоть какой-то эффект. Барон подал кубок и, когда Георг откинулся на подушки, вернув ополовиненную посуду, выразительно посмотрел на дверь.

– Нет, не надо лекаря, – возразил король. – Мы еще не закончили, а времени у меня слишком мало. Итак, эту партию мы проиграли, но мне кажется – все же почти. Есть возможность вывести ее на «ничью».

– Я такой возможности не вижу. К тому же Бефсан практически потерян, еще не будучи обретенным. Граф Гериманн не захочет, чтобы его единственная и любимая дочь стала супругой Гийома. И уж тем более он не пожелает, чтобы такое ничтожество стало его престолонаследником, как не захотят этого и его бароны. Пока нам удается скрывать, насколько все плохо, но рано или поздно правда вырвется наружу. Боюсь, это произойдет в самое ближайшее время. После смерти Виктора бефсанские шпионы сильно активизировались. Мы взяли уже троих. Нет-нет, они живы, просто изолированы в одном из замков, к ним даже пытки не применялись.

Бефсан... Отдельное графство, умудряющееся сохранять суверенитет. Последняя война с Памфией была затеяна в основном с целью захвата графства Хемрод и выхода к границе с Бефсаном. Сам Хемрод тоже очень даже не помешает, но Бефсан... Это графство увеличит протяженность границы с Лангтоном в три раза, что не очень хорошо, но зато обеспечит Несвижу выход к морю. Самое же главное – есть возможность бескровного присоединения. У графа Бефсана нет наследников по мужской линии. Конечно, графство не вольется полностью в королевство, а будет некоей автономией, но это не суть важно – даже если и автономия, то верный союзник.

Георг собирался добиться этого, женив своего наследника Виктора на Беатрисе, наследнице старого графа, которому также осталось немного. Эта девушка была его последней отрадой, остальных детей он потерял по самым различным причинам. Кстати заметить, Георг к этому не приложил руку, просто решил воспользоваться ситуацией.

Но одно дело – Виктор и совсем другое – Гийом. Мало того что бездарен, так еще и мужеложец, как недавно выяснилось. Отсутствие интереса к женщинам списывали на его застенчивость и еще бог весть на что, но никто не мог и предположить, что все настолько плохо. Он никогда не был в центре внимания, так как его никогда не рассматривали как претендента на корону. И лишь недавно стали известны все обстоятельства, что едва не загнало короля в могилу быстрее, чем насланная порча.

Тут дело даже не в старом графе или чувствах самой Беатрисы. Вся сложность в баронах, которые ни за что не согласятся на подобное и могут даже устроить заговор. Нет, Гийом – не та фигура, которую можно использовать в такой игре. Этот путь вел к явному проигрышу, и если партия будет проиграна окончательно, то успех последней войны составит едва ли треть того, что можно было бы получить изначально.

– Ты не видишь возможности выйти из этой ситуации, потому что ты не король, хотя мозгов у тебя хватает. Что касается Бефсана... Если здесь замешан Загрос, то будь уверен – и граф Гериманн, и бароны уже прекрасно осведомлены о том, что на самом деле представляет собой Гийом. Я не получил отказ лишь потому, что еще не обращался к графу с повторным предложением. Сейчас его атакуют другие соседи. Но всерьез он рассматривает только Лангтон – Памфия слишком слаба и не сможет усилить графство.

– Тогда все еще хуже. Бефсан мы сможем получить исключительно силой оружия, но в этом случае нам придется схватиться сразу с тремя противниками, ни Лангтон, ни уж тем более Памфия не останутся в стороне. Предложить кого-то из наших графов или их сыновей? Нет. На это старый лис и его бароны не согласятся.

– Я же говорю, что ты не король. У меня есть еще один сын.

– Георг, он женат, и, между прочим, с твоего позволения.

Да, у короля есть еще один сын. Младший, которому едва исполнилось девятнадцать. Берарда вообще никогда не рассматривали как возможного претендента на корону, а потому он жил в свое удовольствие. Год назад он испросил позволения жениться на виконтессе Кинол и легко получил согласие. Глядя на этих молодых людей, можно с уверенностью заявить, что они будут верны друг другу до гробовой доски. Король был рад этому союзу. Графство имеет большое значение для королевства, и еще одна веревочка, связывающая его с королевским

домом, никак не была лишней. Союз с ним куда важнее, чем с каким-нибудь другим королевским родом.

– Если ты затребуешь развод, это настроит графа Кинола против трона. Вместо того чтобы получить Бефсан, мы можем остаться без него и занять все шансы потерять Кинол. Не говорю уже о ненависти, что поселится в сердце Берарда. Лучше забыть о подобном ходе.

– А если она погибнет?

– Георг...

– Мне жаль эту девочку. Я безмерно рад этому союзу, я с нетерпением жду первого внука, которым в скором времени должен одарить меня младший сын. Видит Бог, если это будет девочка, то счастье мое будет не меньшим. Но я в первую очередь должен думать о королевстве.

– Георг...

– Сердце – это самый последний советчик, к которому должен обращаться правитель.

– Я не смогу.

– Сможешь, – жестко припечатал король и тут же зашелся тяжелым выворачивающим кашлем.

Начался очередной приступ. Барон тут же подхватился, чтобы призвать лекаря, но его остановил властный жест короля, приказывающий опуститься на стул. Приступ был особенно силен – как видно, сказалось нервное напряжение последнего разговора, – но, преодолевая недуг, Георг Третий оставался непоколебим в своем решении. Барон Гатине был вынужден молча взирать на страдания своего сюзерена, не в состоянии чем-либо ему помочь.

Наконец приступ миновал, и король отнял от губ пропитанный кровью платок. Отдав его Жерару, он велел подать другой, приказав окровавленный спрятать у себя. Никто не должен знать, что в результате беседы у короля случился внеочередной приступ. Это явно укажет на тот факт, что Георг переволновался, а значит, разговор был серьезный. В свете предстоящих событий это станет лишним поводом для подозрений.

Король потребовал кубок и, допив остатки питья, с ненавистью отбросил его в сторону. И почему все эти настои и взвары такие противные! Почему польза бывает от таких отвратных вещей?! Потому что иначе не получается. Чтобы спасти человека, подчас приходится лишиться его конечности, дабы не позволить заразе съесть его полностью.

– Сможешь, Жерар. И сделаешь, – наконец устало продолжил король. – Исполнишь все так, как не снилось никаким загросцам, хотя они в этом деле волколака съели. Не отвлекайся на поиски виновных в гибели Виктора и моей. Ты прав, здесь ты проиграешь во всем и только сработает на руку тому, кто это затеял. Главное – не дать им победить окончательно. Знаешь, ведь я могу прожить остаток дней без боли и страданий, но, чтобы этого добиться, мастеру Бенедикту придется задействовать мои последние жизненные силы. Загросцы совершили одну ошибку. Они поторопились. Им следовало сначала избавиться от меня, а уже потом убирать Виктора.

– Но тогда мы могли успеть заключить союз.

– Это в одночасье не решается. На все потребуется не меньше года, я бы не протянул столько. А сейчас я все еще жив, и я не привык проигрывать. Пусть они устранили меня и Виктора – Несвиж все еще может выиграть и оставить их с носом. Только поэтому я принимаю эти мучения.

Верный пес вновь устремил взгляд на короля, и на этот раз в его глазах было безмерное уважение и восхищение этим человеком. Да, он замыслил страшное, и именно ему, Жерару, барону Гатине, придется выполнить всю грязную работу. Мало того, он уверен, что и сам падет от руки убийцы, поскольку исполнителей такого не оставляют в живых. Но он готов к этому. Всю свою жизнь он служил Несвижу и готов был за него умереть, а на поле брани ли от честного удара мечом или в глухом переулке от подлого удара кинжалом – это уже не суть важно.

Он всегда стоял на страже интересов своей родины. По сути, если он и был псом, то не королевским, а несвижским.

– И как все это произойдет?

– Все просто и вместе с тем сложно. Но ты должен знать: мои силы могут иссякнуть и раньше. Мы немедленно начнем переговоры с Джоном о женитьбе Гийома на его дочери.

– Он не согласится.

– Согласится, если ему предложить графство Камбре. Хемрод все еще не имеет своего графа, поэтому не думаю, что Даниэль будет возражать против переезда. К тому же Хемрод превосходит его прежнее владение. Для Джона это будет серьезная компенсация за проигранную войну.

– Хемрод пострадал во время войны, Камбре нет.

– Именно по этой причине замена будет равнозначной.

– Но бароны могут отказаться оставить свои дома.

– Знаю. Именно поэтому переговоры нужно всячески затягивать. Берард должен жениться на Беатрисе и поселиться в Бефсане. А потом... Потом Гийом должен будет погибнуть.

– Боже правый!

– Только когда Берард взойдет на трон Несвижа, игра будет закончена. Только тогда, принеся множество жертв, мы сможем выиграть, никак не раньше. Я хотел достигнуть гораздо большего и, видит Бог, добился бы своего, но сейчас все складывается таким образом, что мне нужно постараться удержать имеющееся. Остальное ляжет грузом на моих потомков, и им решать, как поступать.

– Но Берард... Его никогда не готовили управлять государством. Мальчик больше увлекался турнирами, балами и ухлестываниями за дамами, пока не повстречал юную Изабеллу.

– Да, он бледная тень Виктора, но он и не Гийом, который не стоит и пыли на сапогах старшего брата. Это меньшее из зол. Я не ожидаю, что он достигнет больших высот, но он точно не изгадит все окончательно.

– Я все сделаю.

– И еще. Запомни. Если к тебе приблизится убийца... Защищайся. Рви всех, как вурдалак. Берард – это не я. Лишь ты сможешь сохранить мой род, и я вручаю в твои руки судьбу моих потомков. Иди. И пришли лекаря, что-то мне совсем худо.

Поездка выдалась весьма тряской. Карету то и дело подбрасывало на неровностях, хотя двигалась она едва ли быстрее пешехода. И это королевский тракт! Говорят, путешествовать по загросским дорогам одно удовольствие: они ровные и прямые, к тому же вымощены камнем. Есть даже специальная служба, которая следит за состоянием дорог и производит своевременный ремонт. Здесь до такого еще очень далеко. Да что там! Пожалуй, даже ближайшие потомки не смогут увидеть подобное.

Если бы не подушки, которыми обильно обложили юную Изабеллу, было бы совсем худо. Не в ее состоянии предпринимать такие путешествия, все же она на четвертом месяце беременности. Ну да ничего. Это неважно. Ей никак нельзя было остаться дома.

Отец мужа смертельно болен, и долг Берарда – находиться в этот час подле него. Изабелла не могла оставить супруга в столь трудную минуту. Он искренне любил отца, и происходящее сильно ранило его.

Как так случилось, что даже собравшиеся все вместе лекари королевства не могли помочь своему сюзерену? Непонятно. Очевидно, не обошлось без заговора, а к таким вещам подходят очень серьезно. Настолько, что удар должен быть точным и выверенным, иначе не стоит и начинать.

Сейчас Изабелла ехала одна. Нет, в карете находилась ее служанка, а эскорт состоял из десяти воинов, так что полным это одиночество никак не назовешь. Но мужа рядом не было.

Буквально вчера, когда они остановились на постоялом дворе при тракте, их разыскал гонец. Он принес худые вести. Состояние короля резко ухудшилось, и, если бы Берард продолжил путь вместе с супругой, он вполне мог не застать отца в живых.

Возможно, это и не так. Ей хотелось, чтобы это было не так, ведь она искренне любила свекра, который, не имея дочерей, относился к ней как к родной. А с каким нетерпением он ожидал рождения ее ребенка! Причем вне зависимости от того, кто родится, сын или дочь. Ну прямо как ее отец, который тоже не находил себе места. Она была старшей из детей графа, и у него тоже родится первый внук или внучка. Она очень хотела застать короля живым и желательно при твердой памяти, чтобы сказать ему последнее «прощай» и выразить благодарность за теплоту, которой он щедро одаривал ее.

Но раз уж так случилось, то Берарду следовало поторопиться. Она сама настояла на том, чтобы он ехал вперед. Одно дело, если она не успеет к смертному одру умирающего – и он сам, и Господь простят ее, так как причина ее опоздания весьма уважительна. Но для мужа ситуация иная.

Дело даже не в том, что кто-то посмотрит на него косо. Он сам никогда не простит себя. А она не хотела быть причиной душевных мук супруга. Они счастливы, их брак освещен светом, пусть так все и остается, чтобы даже неясная тень не пролегла между ними. Если Господу будет угодно, король продержится еще пару дней, что ей остались до столицы. Если нет, Берард все равно успеет, сумеет преодолеть это расстояние всего лишь за день.

Сэр Валеран, рыцарь несвижской короны и вассал принца Берарда, не останавливаясь, привстал в стремени и устремил взгляд вперед. Открытая местность оставалась позади. Совсем ровной ее не назовешь, она изобилует пологими холмами, но все же окрестности просматриваются достаточно далеко и о внезапном нападении нечего и думать. Однако впереди дорога уходила под сень деревьев, а уж там-то устроить засаду куда проще.

Взгляд вправо. Они проехали очередной пологий склон, и за ним был виден только урез, словно земля обрывалась и снова появлялась уже гораздо дальше, покрытая густым лесом. Это не обман зрения. Там пролегает обрывистый берег Беллоны, крупной реки, которая берет начало в Железных горах, населенных дикими и непокорными племенами горцев, и протекает через два королевства, Несвиж и Памфию.

Река судоходная, одна из основных торговых артерий королевства, позволяющая выйти к морю. Правда, своих морских кораблей у Несвижа нет. Дело даже не в том, что морские корабли не могут войти в нее, это не так, просто другие государства не позволят большим кораблям Несвижа ходить по этим рекам. Уже было несколько попыток обзавестись подобным флотом, и все они потерпели неудачу, так как флотилии других королевств неизменно нападали на крупные суда Несвижа. Доходило и до войн, но ситуация не изменилась до сих пор. Все, что оставалось купцам, – это использовать небольшие речные суда.

Сейчас бы плыть на галере, и госпоже было бы куда комфортнее. Но к Беллоне они подошли только что, а до этого их путь лежал с запада, и совершить речное путешествие не представлялось возможным. А теперь и не имеет смысла. Им осталась всего одна ночевка на постоялом дворе, а к исходу следующего дня они уже будут в столице. Да и берег реки здесь обрывистый, ни одного удобного места, чтобы пересесть на судно. Поэтому миновать лес никак не получится.

Десяток вооруженных и закованных в кольчугу всадников – серьезная сила, справиться с которой весьма сложная задача. Однако сэр Валеран и не думал высокомерно игнорировать опасность. Неважно, что они находятся в самом сердце королевства. Не имеет значения и тот факт, что с вольницей баронов, постоянно норовивших выйти на большую дорогу, давно покончено, а те, кто не внял голосу разума, повисли на виселицах. Король жесткой рукой навел порядок в своих владениях при полной поддержке графов. Последним спокойная торговля куда выгоднее, чем бесчинства баронов.

Но банды разбойников никуда не делись. Можно бы и наплевать на эти ватаги, отличавшиеся не только плохой организацией, но и отвратным снаряжением. Их основное оружие – охотничий лук, который в большинстве случаев не мог пробить кольчугу даже с близкого расстояния. Десять латников им, пожалуй, не по зубам. Будь под командованием Валерана только этот десяток, рыцарь бы наверняка пренебрег осторожностью, но он отвечал за миледи.

– Гарт!

– Слушаю, сэр.

– Впереди лес, отправь двоих в дозор.

– Слушаюсь. Джон, Жак, в дозор. Осмотрите лес на перелет стрелы. Если все спокойно, подадите сигнал. Потом двигайтесь в голове, в пределах видимости. Жак – старший.

– Слушаюсь.

Солдаты еще молодые, от силы лет по двадцать, но уже имеют боевой опыт. Оба прошли через множество мелких схваток и успели поучаствовать в последней войне. В его десятке вообще нет желторотиков, все ветераны, даже те пятеро, что остались в замке. Сэр Валеран не без гордости обернулся, привстав в стременах, и осмотрел свое воинство. Орлы!

Кавалькада из кареты и десятка всадников продолжала свой путь, не останавливаясь ни на мгновение. Причин для промедления нет никаких. Двое всадников, прищпорив лошадей, с легкостью оторвались от медленной процессии и уже совсем скоро пропали под сенью деревьев. Однако надо заметить, что в лес они въехали уже шагом, внимательно вглядываясь в окружающий подлесок. Осторожность и внимательность успели вьестись им в кровь.

Эскорт был уже в семидесяти шагах от кромки леса, когда на опушке появился дозор. Поднятая вверх рука и круговое движение возвестили о том, что путь свободен. Гарт также поднял руку и махнул, давая знак продолжать движение. Всадники все поняли верно и, развернув лошадей, шагом двинулись дальше. На этот раз они не затерялись среди листвы, а старались держаться в пределах видимости.

– Сэр, путь свободен.

– Я понял, Гарт, – согласно кивнул сэру Валеран.

Наконец над головой сомкнулись кроны деревьев, и моментально пришло облегчение. Через поднятое забрало лицо овеивает легкий ветерок. Разумеется, рыцарь не первый год носил доспехи и без них чувствовал себя неуютно, они давно уже превратились в его вторую кожу. Но жара оказывала далеко не благотворное влияние: он чувствовал, как взмокло от пота тело, окончательно промолив нижнюю рубаху. Это особенно стало ощущаться, когда его обволокла приятная прохлада.

Проклятье. Сейчас бы искупаться в реке, смыть с себя пот и грязь, а вместе с ними и усталость. За время похода тело успело пропитаться такими запахами, что пучки пахучих трав, уложенных под поддоспешником, уже никак не могли маскировать амбре, словно окутывающее его со всех сторон. Но о купании нечего и мечтать. Даже во время остановок на постоялом дворе они не могли себе позволить разоблачиться. Он один как командир имел такую привилегию, но пользоваться ею не хотел, стойко терпя лишения со своими подчиненными. И они это ценили. Единственное, что он мог себе позволить, – ненадолго скинуть кольчугу, наскоро ополоснуться колодезной водой, что никак не назовешь помывкой, и, разместив пахучие травы, снова облачиться в доспехи.

Солдаты смотрели на это как на блажь. Да, такое амбре никак не назовешь приятным, но даже благородные дамы относились к подобному с пониманием, не помышляя о том, чтобы как-либо продемонстрировать свое неудовольствие. Уж такова доля воина. Когда речь шла о военном походе, то завшивевшие солдаты и даже бароны или графы не были чем-то из ряда вон. Обычное в общем-то дело. Это ведь не турнир, где вокруг рыцаря вьются как минимум двое оруженосцев. И там следует не просто победить, но еще и произвести должное впечатление. В походе все просто: если ты победил, то остался жив, проиграл – кто-то забрал твою жизнь.

А как ты при этом выглядишь, окружающих интересует в последнюю очередь. Главное, чтобы оружие и доспехи содержались в порядке, конь был здоров и отсутствовали запущенные раны, которые могли воспалиться и свести в могилу. Остальное не имеет значения.

Эта поездка была сродни походу, потому как воинам предстояло сбереечь от ненужных встреч и посягательств очень влиятельных лиц. Сэр Валеран был крайне недоволен тем, что принц, едва получив известие, спешно продолжил путешествие в сопровождении единственного оруженосца, шестнадцатилетнего мальчишки, сына одного из баронов, пока еще только мечтающего о рыцарской цепи и шпорах. Но тут уж ничего не поделаешь: принц отдал четкий приказ – охранять леди Изабеллу.

Рыцарь поднял глаза вверх, ловя взором проблески солнца в густой листве с редкими прорехами. Это было последнее, что он видел в своей жизни. Охотничья стрела попала ему в незащищенное лицо, впившись в правый глаз и добравшись до мозга. Смерть была мгновенной, а потому он уже не видел, что происходило вокруг. По сути, теперь ему не было никакого дела до этого брэнного мира, потому как путь его лежал в голубые небеса, в мир вечного покоя и, если не врут священники, в землю обетованную, куда обязательно попадут все, кто живет по закону Божьему. Иначе и быть не может, ведь, несмотря на воинскую стезю, он всегда старался быть чистым перед Богом и регулярно посещал духовника, искренне каясь и получая отпущение грехов.

События понеслись, как взбесившаяся лошадь. Крики, звон скрестившихся клинков и стрел, ударяющих по доспехам, ржание лошадей, резкие отрывистые команды, брань сошедших в рукопашной, топот, хрипы. Истошный женский крик, донесшийся из кареты, выделялся своей инородностью там, где раздавались звуки, столь характерные для схватки. Кричала служанка. Рассмотрев заросшие рожи разбойников, ринувшихся в атаку, она сразу же лишилась чувств.

Обстрел принес свои плоды: среди обороняющихся не доставало уже двоих. Однако не сказать, что потеря командира в самом начале атаки как-то особенно повлияла на солдат. Вопреки ожиданиям они не растерялись. Действовали на одних рефлексах, вбитых долгой службой и прошлыми схватками. К тому же без руководства они и не остались: на месте схватки то и дело раздавался голос десятника, отдающего отрывистые команды.

Семеро всадников успели организовать периметр вокруг вставшей кареты. Первые разбойники, навалившиеся на них, сразу же получили отпор, нарвавшись на удары копьями. Однако сразу после этого солдаты отказались от этого оружия. Мечи в ближнем бою – куда более сподручное средство, да и выдергивать завязшие в телах копья было попросту некогда. Шайка оказалась многочисленной. Да и могло ли быть иначе? Малым числом можно грабить лишь одиночных путников, но не вооруженный до зубов воинский отряд.

– Не вырываться! Держать строй!

Конечно, можно ринуться в атаку, но Гарт решил сначала отбить первую волну. У всадника есть преимущество перед пешим, и даже наличие у безлошадного копья, если он не в строю, не могло изменить перевес. Только после того, как первый порыв будет сбит, можно будет говорить о контратаке.

– А-ах-р!

Один из солдат начал заваливаться на бок, царапая застрявший в груди болт. Проклятье! Откуда у этих выкормышей шелудивой дворняги взялись арбалеты?! Сражаться и дальше конными становится слишком опасно. В шлем ударила стрела и, скользнув по металлу, унеслась в неизвестном направлении. Удар отдался легким звоном в голове, но это не могло повлиять на боевую активность десятника.

– Спешиться! Джон, Торк, Генри – вправо! Остальные – влево! Вперед!

Только атаковать, иначе они превратятся в подсадных уток. Арбалет – это не охотничий лук, от него в такой ситуации уже так просто не защитишься. Всего лишь мгновение –

и оставшиеся шестеро соскочили на землю, а их клинки уже ищут следующих жертв. Воины, словно кабаны, вламываются в подлесок, опрокидывая нападающих и обращая их в бегство. Это вам не купцов щипать, которые надеются на указы короля и экономят на нормальной охране! Слишком через многое прошли ветераны, чтобы вы могли им противостоять.

Ага! Вот и арбалетчик! Он уже взвел тетиву, но болт еще не наложен. Твои проблемы, потому как щадить тебя никто не думает. Смерть – вот и все, что ты заслужил, засранец! Жаль только, быстрая, но времени и без того в обрез. Гарт уже сократил дистанцию и готов нанести смертельную рану, когда на него вдруг обрушивается удар сверху. Что это? Нет, он прекрасно помнит, что услышал приближение всадника, мало того – даже успел краем глаза увидеть, что это на помощь своим товарищам пришли двое солдат из передового дозора. Вот только кто объяснит, с чего это Джону и Жаку, вместо того чтобы помочь, возжелалось атаковать их?

Жизнь в Гарте все еще теплилась, и он сумел заметить, как Жак ударил Джефа. Джон, после того как свалил своего десятника, пророняя дальше. «Не иначе как нацелился на Эрика», – отчего-то мелькнула отстраненная мысль.

Но как такое могло произойти?!

Куда подевался этот проклятый колдун? Ну да и черт с ним. Главное, не обманул и эти два остолопа, что остановили его на лесной дороге, действительно ни с того ни с сего напали на своих товарищей. Если бы не это... От ватаги и так остались только шестеро. Ну это ничего. Зато какая славная добыча! Одиннадцать полных доспехов и комплектов вооружения (эти двое, как только добились последнего, дали зарезать себя, как курят), одиннадцать боевых лошадей с полной упряжью, четыре каретные лошади. В сундуках этой леди тоже есть чем разжиться, плюс ко всему – мешочек с золотыми монетами, пара мешочков с серебром и украшения.

Ватага насчитывала три десятка, но самым серьезным оружием у них были два коротких меча, большие кинжалы и топоры. Имелся еще арбалет: его изъяли у одного наемника, который самонадеянно полагал, что может в одиночку ночевать в их лесах. Зато теперь... Научиться бы еще пользоваться всем этим, и они покажут, что такое настоящая ватага. Теперь уже можно будет не размениваться на одиночные повозки с мелкими торговцами. Прав был тот темный – в счастливый час они его повстречали.

Хм... И сами бабы. Бабы – это хорошо. Бабы – это дело такое. Вот оставит их при себе, будет кому согреть постели в их логове. Спать в одиночку в пещере – удовольствие сомнительное. Однако почти сразу мысль оставить женщин вызвала отвращение. А если получить выкуп? Нет, это лишнее. Ну его к дьяволу. Куш и без того такой, что не со всякого торговца возьмешь. Другое дело, что продавать все совсем необязательно. Попользовать баб, вон какие ладные, а одна и вовсе красавица из благородных, когда еще такая попадется, – а потом нож в брюхо и продолжать гулять! Вот эта мысль не вызвала никакого отторжения. Вроде как та леди на сносях, ну и что с того? Надо лишь отойти подальше, к берегу Беллоны.

– Ну что, кто еще хочет?

– Нет, если только потом. Да и уходить пора.

– «Потом» уже не будет, – злорадно ухмыляясь и самодовольно почесывая грудь, заявил атаман.

Он бросил плотоядный взгляд на скрючившихся на земле женщин. Они уже не кричали и не стонали, только тихо поскуливали, с каждым мгновением скрючиваясь все сильнее. Леди лежит у его ног, прикрывая выпирающий живот, а молоденькая служанка пытается стянуть остатки платья на груди. Эх, невезуха! Нетронутая оказалась. Ну и черт с ней, зато леди досталась ему первому. Впрочем, там все как у нормальной бабы, но вот тело... Да-а, тело у нее – не то что у крестьянок: ухоженное, гладкое, с мягкой кожей.

Он почувствовал было, что начинает заводиться по-новому, но потом пришло осознание, что плоть никак не поспевает за мыслями. Разум все еще не насытился, а вот сил-то вроде как и нету. Ну и черт с ней. Других найдут. Атаман схватил за волосы благородную, подтащил к обрывистому берегу реки, поросшему лесом, и, вогнав в грудь нож, сбросил женщину с обрыва. Совсем скоро служанка последовала за своей госпожой. Тут высота никак не меньше ста футов, куда там крепостным стенам! Так что с гарантией.

– А-а-а-а!!!

– Аккуратнее, Тед. Не переусердствуй. У нас и так остался только этот.

Барон Гатине мягко опустил руку, а скорее лапу, на плечо палача и легонько сжал. Хотя мог бы и не стесняться. Палач статью ничуть не уступал Жерару, а сойдись они в борьбе, тут уж стоило бы почесать в затылке, кто кого опрокинет наземь. Правда, это если не знать, что барон является отличным бойцом. Так что на самом деле шансов у Теда никаких. Впрочем, какими бы непристойными делами по долгу службы ни занимался верный пес короля, у него даже мысли не возникнет опускаться до схватки с заплочных дел мастером. Так что эти рассуждения – пустая трата времени.

– Ваша милость, спрашивать-то будете?

Барон взглянул на взхлеб дышащего человека. Тот уже успел обделаться и добавить ароматов в и без того зловонное подземное помещение. Но где-то в глубине глаз по-прежнему таится непокорность. Оно и понятно: бесхарактерный нипочем не станет вожаком ватаги разбойников. Нет, пожалуй, он пока не созрел для разговора. Нужна еще самая малость, хотя его обрабатывают уже битых три часа. Но это не беда. Во взгляде не наблюдается горячего блеска: если до сих пор разума не лишился, значит, уже не лишится. Придется его потомить, чтобы стал пластичным и рассказывал обо всем сам, без наводящих вопросов. Только тогда можно рассчитывать на то, что он расскажет правду, а не будет молоть что угодно, лишь бы прекратить свои страдания.

– Давай, Тед. Только аккуратно, чтобы не издох.

– Не волнуйтесь, ваша милость. Я свое дело знаю.

– А-а-а-а!!!

Помещение наполнил истошный крик. Разнесся запах паленого мяса. Что ж, это не так плохо, хотя бы забьет вонь его дерьма и мочи. Правда, ненадолго. Уже через несколько секунд запахи снова смешаются и опять повиснет эта адская смесь. Нет, нужно прекращать. И пусть помощник Теда приберется. Сил больше нет никаких. Впрочем, похоже, этот бурдюк с дерьмом полностью опорожился, дальше легче будет. Эх, еще бы проветрить. Но не получится.

Эти мысли барона могли показаться странными – уж чего ему только не пришлось повидать за свою жизнь. К тому же взирал он на происходящее совершенно спокойно. Любой наблюдатель с первого же взгляда определил бы, что обстановка подземелья ничуть не гнетет Жерара. Однако никому и в голову не пришло бы, что он из всех сил старается тянуть время.

Допрос велся очень грамотно, с дозированными передышками, так чтобы подвергаемый пыткам четко мог осознавать разницу между тем состоянием, когда палач его не касается, и обратным. Эти перерывы были строго ограничены во времени, их продолжительность определялась наметанным глазом палача. Важно, чтобы допрашиваемый не получил слишком долгий отдых, иначе придется начинать все сначала. Оба были специалистами в своем деле: случись все в открытом поле и не окажись под рукой палача, барон великолепно справился бы и сам.

– Какого дьявола! Сказано же, не беспокоить!

– Прошу прощения, ваша милость, – тут же вытянулся в струнку стражник, – но тут граф Кинол.

– Тем более. Нечего ему тут делать.

– А вот это уже не вам решать, – послышался твердый, уверенный голос человека, знающего себе цену.

– Очень даже мне, – тут же принял стойку барон.

Какая ему разница, что перед ним стоит правитель одной из провинций королевства, даже если она самая крупная и очень важна для Несвижа. Здесь распоряжается он. Мало того, он подконтролен лишь королю, и никому иному. Указывать ему может только он.

– Барон, не зарывайтесь. – Ты гляди, даже не поморщился. Видать, запахи подобных помещений ему отнюдь не в новинку.

– Ваша светлость, при всем моем уважении к вам я вынужден настаивать, чтобы вы покинули пыточную. Я уже совершил одну ошибку, когда взял с собой на поимку разбойников принца Берарда. Хорошо хоть атамана сумели взять.

Все так. Принц оказался настойчивым, барон непреклонным, но приказ короля все расставил по своим местам. На след ватаги вышли довольно быстро, прошло не больше недели, а затем был захват. Вернее, бойня, которую устроили Берард и его оруженосец. Их едва удалось урезонить. Хотя они слишком молоды и не участвовали ни в одной кампании, это ничуть не умаляет их мастерства владения клинком. Даже молодой оруженосец смог себя проявить: дворяне приучали своих детей к мечу с раннего детства, таков уж образ жизни. Прибавьте то обстоятельство, что разбойники вообще слабо представляли, как нужно драться, и вы получите полную картину. Лис, ворвавшийся в курятник. А если учесть тот факт, что люди барона поначалу растерялись и не смогли лишить активности принца... Хорошо хоть барон самолично вмешался и доброй плюхой отправил мальчишку на землю, а оруженосца обездвигили дружинники, иначе не было бы и этого пленника.

– Я не новичок в подобных делах и не девятнадцатилетний юнец. Вполне умею держать себя в руках.

– Ваша светлость, вы отец Изабеллы, поэтому покиньте пыточную, – продолжал настаивать Жерар. Интонация его голоса вновь изменилась и стала требовательной.

– Вот, взгляните. Приказ короля.

– Приказ короля, значит... – Барон Гатине вырвал из рук графа свиток, расправил его и быстро прочитал. – Господи, опять! – простонал он так, словно явственно ощутил боль. Но затем взял себя в руки, вернул свиток. – Ваша светлость, разумеется, вы можете присутствовать на допросе, рас уж так-то, но прошу, не делайте этого. – Голос барона звучал искренне. Никто не усомнился бы, что Жерар говорит именно то, что думает.

– Я могу присутствовать на допросе, и я буду присутствовать, – безапелляционно заявил граф.

– Хорошо, – вынужденно согласился барон. – Тогда присядьте вот здесь, в уголке, и тихо наблюдайте за происходящим. Вам все будет слышно. Только, пожалуйста, ни слова.

В ответ на это граф стрельнул в барона таким взглядом, словно готов был выпустить в него болт из арбалета, этого проклятого оружия, столь не любимого рыцарями. Потом прошел к указанной скамье и присел, опершись на выставленный меч.

«Да и Господь с тобой, – подумал Жерар. – Смотри, если хочешь, только сделай все так, как надо».

– Продолжим, Тед.

– Ваша милость, он того. Вроде как оклемался.

– Вижу. Слишком долгий перерыв. Ладно, сейчас размякнет. За дело.

– А-а-а!!!

– Ну что, дружок, будем продолжать? Или тебе есть что поведать?

– Да скажите... что... вам надо-то? – с придыханием, всякий раз прерываясь, произнес пленник.

Ага, вот сейчас все бросим и станем тебе помогать. Давай, милый, рассказывай все по порядку, как твоей душе будет угодно. Заодно поглядим, можно ли прекратить кое-какие поиски. Раз уж так совпало, грех не извлечь максимум пользы. А то получится, что совершившая злодеяние ватага уже изничтожена, а ее по-прежнему ищут, людей задевают, словно иных забот нет.

– А ты все рассказывай, – тем не менее подсказал барон. – Что сделал, что слышал...

– Что вы сделали с беременной женщиной, которую захватили в Балатонском лесу?! – вдруг вскочил со своего места граф, вперив в пленника гневный взор.

Нет, нормального допроса не получится. Если начинают возобладать чувства, о нормальном следствии можно позабыть. Но помешать графу Жерар уже не мог, потому что пленник затараторил, как трещотка:

– Это не я... Я бы выкуп... А зачем ее убивать... А он... Убить баб... Всех убить... Чтобы никого живого... Даже этих, что своих...

– Так, стоп. Замолчи, – вмешался барон. – Ваше сиятельство, немедленно покиньте пыточную. Тед, отвязывай его. В сухую камеру. На свежую солому.

– Какого дьявола вы делаете?!

– Ваше сиятельство, ни слова.

– Кто?! Кто тебе велел?!

– Граф Кинол! – требовательно воскликнул Жерар.

– Так он и велел... – Пленник в настоящий момент пребывал в прострации, его таки довели до той самой пластичности, когда он готов был изливать любые сведения потоком. Даже не замечая того, что происходит в пыточной, доведенный почти до безумия истязуемый продолжал говорить как заведенный: – Это он... Колду... Х-хр-р-хке...

Барон вдруг отпустил графа, которого только что буквально выталкивал в коридор. Тяжело вздохнув, как человек, испытавший глубокое разочарование и недовольный собой, он подошел к той самой скамье, где недавно сидел граф, и тяжело на нее опустился. Граф Кинол непонимающе смотрел то на безвольно повисшее тело с кровавой пеной на губах, то на барона, откинувшегося назад и прижавшегося затылком к холодной сырой каменной стене.

– Что происходит?

– Граф, скажите, сколько раз вам приходилось допрашивать зачарованных? – устало поинтересовался барон.

– Ни разу.

– Оно и видно. Нет, ну что ты будешь делать! – резко выпрямился Жерар и вперил взгляд в тело мертвеца, которое палач уже отвязывал. – Нужно было все же выгнать вас, несмотря на приказ короля.

– Объяснитесь.

– А я уже все объяснил. Этот разбойник был зачарованным. Едва он проявил готовность рассказать о мастере, его зачаровавшем, наступила смерть. Таких пленников нельзя бездумно пытаться. Как только появляется подозрение, что тут повинен кто-то из мастеров, необходимо привлечь лекарей, и желательно очень хороших. У нас таковой имеется – мастер Бенедикт. Он, конечно, не любит участвовать в подобном, но в свете последних событий, думаю, не отказался бы.

– Но откуда вы узнали, что он зачарованный?

– Доподлинно я это узнал, лишь когда он отдал Богу душу, а так – догадывался.

– Но если вы догадывались...

– Граф, если бы я догадывался раньше, то, поверьте, вас бы и близко не подпустили к пыточной. Подозрения у меня появились, когда он сказал о предателях, а их не могло быть среди людей принца. Конечно, выглядело странно, что десяток воинов не смог отбиться от шайки разбойников, но я списывал все на то, что им помогли какие-то воины, потому и наде-

ялся, что женщины живы. Просто кто-то ловко прикрылся лихими, вот и все. Но выходит, все эти покушения на членов королевской семьи – звенья одной цепи. Только одно мне непонятно – при чем тут Берард, который никоим образом не является наследником престола.

– Думаете, удар был нацелен на него?

На графа невозможно было смотреть без сострадания. Он весь посерел, еще больше осунулся, но держался в общем-то неплохо. Уже не первый день он жил с мыслью о том, что дочь потеряна безвозвратно, поэтому подтверждение этого факта не стало таким сильным ударом. Просто дальше уже некуда. К тому же граф – сильный мужчина.

– В свете последних событий, да еще и с участием темного мастера... Никто не мог знать, что к принцу прибудет гонец. Приступ у короля начался внезапно. Даже если злоумышленники узнали об этом в ту же минуту, предпринять что-либо они уже просто не успевали. Такой удар готовится заранее, тщательно, и отменить все в одночасье никак не получится.

– Так что же произошло там, на дороге?

– Поначалу я предполагал, что какой-то барон вышел на большую дорогу, прикрывшись разбойниками. Такое иногда случается. Но теперь все становится относительно ясным. Вероятно, рыцарь отправил вперед дозорных, скорее всего двоих. Обычная практика. Когда они исчезли из поля зрения отряда, то, очевидно, повстречали того самого темного мастера, который их зачаровал. Еще раньше он поступил таким же образом с атаманом и парочкой его приближенных, чтобы те ни в коем случае не пожадничали. Когда разбойники напали, зачарованные воины ударили своим в спину. Это и решило исход схватки.

– Но он, кажется, сказал, что колдун приказал убить женщин.

– Вы спросили его про женщин, он вам и ответил. А потом добавил, что это распространялось на всех.

– Да, вы правы. И что теперь? Истинного виновника не найти?

– У меня был очень неплохой шанс, – провозжая взглядом выволакиваемое тело, вздохнул Жерар, – но я его бездарно упустил.

– Это моя вина, барон.

– Это вопрос безопасности королевского дома, а за нее отвечаю я. Но почему Берард?

– Потому что Гийом – полный бездарь. Если у графов будет альтернатива, может случиться заговор и на трон взойдет Берард. Он, конечно, не Георг и не Виктор, но уж точно не Гийом.

– Граф...

– Бросьте, барон. Вы прекрасно знаете, что я прав. Я не собираюсь злоумышлять и бросать на произвол судьбы дело жизни моего отца и мое собственное, устраивая заговоры, но высказать свое отношение могу.

– Тогда ограничимся этим подвалом.

– Как вам будет угодно.

Однако, звоночек. Это что же получается – если подобные мысли есть у графа Кинола, то они могут зародиться и в головах у других. А вот этого допустить никак нельзя. Пусть это в конечном итоге приведет к тому же результату, что планировался королем, но путь к этому, обозначившийся сейчас, весьма нежелателен. Судя по всему, графы прекрасно понимают, что если не останется прямого претендента на трон, то они попросту перегрызутся между собой, что непременно приведет к ослаблению Несвижа, на укрепление которого они положили столько сил.

Заговор. Он непременно состоится. В какой форме, пока непонятно, но в том, что это будет, нет никаких сомнений. Действовать нужно очень быстро. Необходимо во что бы то ни стало предотвратить подобное развитие событий, и желательно без лишней крови. У заговорщиков вовсе нет желания разваливать страну, злоумышлять они будут вовсе не против коро-

левского дома, а конкретно против Гийома. Ох уж божье наказание! И как могло такое произойти, чтобы у такого человека родился такой бездарь?

– Значит, все прошло как надо? – спросил король, устало откинувшись на подушки и устремив взгляд в потолок.

Впрочем, потолка не видно, его скрывает балдахин, раскинутый над кроватью. Господи, как бы Георг хотел сейчас оказаться на походном биваке и устремить взгляд в голубое небо. Пустые мечты. Сейчас ему не увидеть не то что чистое небо, он вообще не переносит яркого света. Шторы в спальне задернуты, и в помещении царит полумрак.

– Да, Георг, – подтвердил барон Гатине. – Все проделано так, что ни у кого не возникнет сомнений – докопаться до правды не получилось лишь потому, что у меня под ногами все время крутились ты, принц и граф, которые испортили дело собственными руками.

– А темный?

– Я обо всем позаботился. Концы обрублены. Правда, теперь мне нужно искать другого подручного, но ничего, бывало и хуже. Остаюсь только я.

– И думать не смей. Тем более что вот-вот начнут плести заговор. Пока я жив, уверен – ничего подобного не произойдет, но мне осталось чуть больше двух месяцев.

– Достанет ли времени?

– Главное, чтобы граф Кинол отнесся с пониманием к необходимости этого шага, а Берард не устроил истерику. Будем надеяться, чувство долга возобладает над душевными муками. Тогда все будет намного проще.

– Время работает против нас. Заговор все же может осуществиться. Не хотелось бы рубить головы тех, кто предан Несвижу всей душой.

– Если все сложится, как я хочу, то свадьба состоится еще до моей смерти, а там уж не зевай.

– Ты же говорил – год.

– Не разочаровывай меня, Жерар. Берард – самая желанная партия для графа Бефсана и баронов. На троне Несвижа – Гийом, в Бефсане – Берард, это даже не автономия, а просто союз двух государств, двух братьев. Граф Гериманн изначально смотрел в нашу сторону. Он побойтается, что, если не станет меня, Гийом может все испортить, поэтому тянуть время невыгодно ни ему, ни мне. Надеюсь, ты уже готов к тому, что, едва я уйду, тебя тут же отошлют от двора?

– При дворе останется достаточно моих соглядатаев. Меня здесь не будет, но знать я буду все и смогу действовать. План уже готов и начал понемногу осуществляться.

– Это хорошо. И помни, должен остаться только один человек, который будет знать все, а с его смертью – вообще никого. – Король внимательно поглядел барону в глаза.

– А как же исповедь?

– Я уже свой выбор сделал. Умру без покаяния.

– Ну, значит, и я унесу этот грех с собой в могилу. Встретимся в аду, дружище.

– Да уж, этого нам никак не миновать. Слишком много мы всего наворотили.

Глава 2

Матушка Аглая

– Поди прочь!

Богато одетый купец толкнул ногой присевшую на его пути пожилую женщину в просторном одеянии, с накинутым на голову капюшоном. Одежда хоть и чистая, но легко различимы следы множества починок. Она возилась с детьми. Можно было и обойти старуху, чтобы вовсе не обращать на нее внимания, но не сложилось. Как раз в это время проезжала карета какого-то барона, и купец был вынужден посторониться. И так совпало, что на его пути оказалась эта нищенка.

Останавливаться, пропуская высокородных, из-за какой-то нищей старухи? Вот еще! Она должна была сама посторониться, а не продолжать возиться с малышкой голытьбы. Каждый должен знать свое место, определенное Создателем. Купец вынужден пропускать высокородных, ей никак не пристало оставаться на его пути, если же она этого не понимает... Мордой в грязную мостовую! Будет наукой на будущее.

Все именно так и произошло. От могучего пинка – уж больно здоровым детиной оказался купчина – нищенка с тихим вскриком растянулась на мостовой. Капюшон соскользнул с головы, обнажив длинные седые пряди неприбранных волос, что было странным, если принять во внимание ухоженную одежду. Ну точно, как есть старуха. И как только родители позволяют своим детям крутиться вокруг нее, да еще неподалеку от трактира! Ну да что с них взять, вокруг проживают в основном ремесленники, такая же голытьба, которым и дела нет до того, что вырастет из детей.

– Ах ты гад!

И откуда только вывернулся этот малец?! Не иначе как выбежал из трактира. Но ловок сорванец, вон как саданул в грудь. Однако сил мальчишки было явно недостаточно, чтобы опрокинуть купца.

– Щенок! – Мужчина в свою очередь заехал мальчишке по уху ладонью, отчего паренька буквально снесло на мостовую.

– Матушку Аглаю бьют!

– Матушку Аглаю бьют!

– Папа! Папа! Матушку Аглаю бьют! – тут же разнеслись по улице детские крики.

Ладно бы кричали, что бьют мальчишку, ведь нищенку лишь слегка пнули. Ну да, растянулась на мостовой, но ее же никто не бил. А вот мальчишке прилетело. Так это же за дело! Как он посмел поднять руку на уважаемого купца, далеко не последнего в столичной гильдии? По закону он даже может притянуть его к ответу, и любой судья встанет на его сторону, потому как сословия существуют не для красного словца.

Реакция на крик детей оказалась молниеносной. Тут же начали отворяться двери, из окон с тревогой высунулись взволнованные горожане. На мостовой появились перепуганные женщины. Едва удостоверившись, что с чадами все в порядке, они гневно посмотрели сначала на поднимающуюся женщину, потом на обидчика.

– Это он!

– Это он!

– Он матушку Аглаю ударил! – продолжала вещать детская многоголосица, едва появился первый взрослый.

Купец уже перешагнул через старуху и хотел продолжить свой путь. Какое ему дело до недовольства черни? Но в этот момент из дверей трактира выбежал здоровенный парень. Купец уже видел его. Незадолго до происшествия тот стоял, привалившись к дверному косяку,

а потом юркнул вовнутрь. Очевидно, работает трактирным вышибалой и ринулся на зов хозяина. Парень бросил встревоженный взгляд за спину купца, заметил, как безропотно поднимается старуха, и его глаза тут же налились кровью.

– Этот? – сверля обидчика бешеным взглядом, спросил парень.

– Да!

– Да! – загомонила детвора.

Купец отнюдь не страдал худосочностью, вот только могучий удар вышибалы опрокинул его навзничь ничуть не хуже, чем до этого удар самого купца – дерзкого мальчишку. Взбешенный парень не удовлетворился результатом и начал надвигаться на противника, пытающегося прийти в себя. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы на улице не появился трактирщик. С ходу оценив ситуацию, он крикнул в спину вышибале:

– Грегор, стой! Не трогай его.

– Этот... Этот... Он матушку Аглаю... – Возмущению гиганта не было предела.

– Я сказал – не трогай.

– Да я...

– Иди в трактир. Ну! Кому сказано!

Парень в последний раз бросил грозный взгляд на купца и отошел в сторону, непрерывно сжимая и разжимая могучие кулаки и что-то бубня себе под нос. По всему видно, что он очень недоволен тем, что ему не дали закончить начатое. Столпившиеся люди тоже были недовольны произошедшим. Очевидно, им хотелось, чтобы расправа над наглецом непременно продолжилась и была доведена до логического завершения.

Вышибала ушел, урезоненный хозяином, но к толпе женщин уже присоединились мужчины. Их не так много, все же разгар рабочего дня и многие в поле, но и этих с лихвой хватит, чтобы поставить на место не только купца, но и всю его охрану, если она имеется. И им трактирщик не указ.

Горожане возмущенно переговаривались. А ничего так, крепкий купчина. Грегор как-то на спор тяглового быка одним ударом с ног свалил, а тут человек – и даже сознания не лишился. Ты гляди, еще и сам поднялся, потрянул головой, не иначе как полностью оклемался. Раскрыл было рот, да трактирщик его опередил:

– Ты бы шел, уважаемый, от греха подальше. Видишь, народ разволновался. Как бы беды не вышло.

– Что ты с ним разговариваешь, Адам!

– Да мы его сейчас!

– Тихо! – прикрикнул трактирщик.

– У себя в трактире будешь командовать!

Толпа заводилась все сильнее. Большинству присутствующих, если присмотреться, за двадцать или под тридцать. Трактирщик тоже ненамного старше, едва за тридцать перевалило, хотя брюшко солидное наест успел, с легкостью передвигаться уже не может. Есть, конечно, люди и постарше, но таких мало.

И вдруг все закончилось, так и не успев начаться. Толпа раздалась в стороны, и в образовавшийся проход проскользнула давешняя старуха-нищенка. А ведь не такая уж и старая. Лет сорок едва минуло. Седая, лицо изборождено морщинами, но возраст легко угадывается, а еще... Это лицо, несмотря на множество морщин, всецело приковывает внимание. Точнее, глаза. Да эта женщина явно лишена разума! Безумица, за которую люди готовы убить. Господь всемогущий, что тут вообще творится?!

– Анна, милая, я что-то не вижу Ирму.

– Вот она, матушка Аглая. – Молодая женщина тут же вывела из-за спины девочку лет пяти, шмыгающую носом и утирающую слезы.

– Что случилось, девочка моя? Кто обидел мою принцессу?

– Дядя тебя ударил.

– Что ты, милая! Никто меня не бил. Бен, Бен, мальчик мой, поди сюда, опять сопли до колен. Не смей вытирать рукавом! Мамка старается, стирает, а ты все норовишь испачкаться. – В руке старухи появилась чистая тряпица, и она заботливо утерла мальцу мордашку, не переставая при этом ласково приговаривать.

Потом она осмотрелась, попеняла взрослым, что они прохладятся среди бела дня, забросив дела, окружила себя ребятами и пошла вдоль по улице, сопровождаемая детским щебетом. Боевой запал как-то сам собой спал, и народ начал расходиться. Вскоре купец остался один посреди улицы.

Не прошло и получаса, как в трактир вошли пятеро стражников во главе с капралом. Они сопровождали давешнего купца. Капрал без лишних проволочек присел за свободный стол, которых в этот час здесь хватало. Вот еще малость – и народ потянется обедать, а пока – тишь и благодать. Впрочем, не сказать, что это устраивало хозяина заведения. Вот если бы шум, толчея – это было бы гораздо приятнее, потому как чем больше народу, тем выше прибыль.

Трактир не представлял собой ничего особенного, типичное заведение. Большой обеденный зал с десятком столов, стойка, за которой обычно располагается сам трактирщик, слева – дверь на кухню, откуда уже доносятся щекочущие нос запахи: скоро обед, нужно быть готовыми встретить посетителей. Справа – большой камин. При случае в нем можно зажарить целого барашка, для этого там и вертел имеется. Три небольших окна выходят на улицу. В углу – лестница на второй этаж, где расположены две гостевые комнаты и помещения хозяина и его домочадцев.

Все чисто и пригоже. Сразу и не скажешь, что основная публика тут – чернь. Бывало, конечно, что и знатные заглядывали, если оказывались в ремесленном квартале по делам и желали подкрепиться. Но некоторые приезжали сюда специально и останавливались на несколько дней.

– Адам!

– Ну что кричишь? Сейчас подойду.

– Ты давай иди. Не за кружкой пива пожаловал.

– Ага, понятно. Стало быть, с жалобой разобраться. – Утирая руки и ухмыляясь, трактирщик все же подошел к капралу.

– Ну да. Вот этот господин говорит, что твой вышибала его ударил ни за что ни про что.

– Вот прямо так и сказал?

– Ты не ухмыляйся. Дело-то серьезное.

– Это с какой стороны поглядеть. Если с моей – так выеденного яйца не стоит. Хотя нет, стоит. Вернее, не стоит ему тут показываться, – сияя, как новенький золотой, выдал трактирщик.

– Адам!

– Все, все, больше не буду. Уважаемый, а что же вы не всю правду рассказали? Отчего не помянули, что ударили старуху?

– Да не бил я ее! Пнул просто нищенку, чтобы на дороге не стояла.

– Какую нищенку? – тут же встрепенулся капрал.

– А это он, Грэм, матушку Аглаю так называет.

– Он ударил матушку Аглаю? – Взгляд капрала посуровел.

Остальные стражники тоже строго посмотрели на купца, и выражения их лиц не предвещали ничего хорошего.

«Да что тут вообще происходит, в столице этого графства?!» – мелькнула мысль у купца. То ли дело Несвиж. Он никогда не торговал в Хемроде, бывал тут только проездом. И сюда его нога не ступила бы, но тут неподалеку проживал знатный сапожник, у которого он хотел заказать сапоги. Вот и забрел.

– Значит, ударил.

– Не ударил, а только пнул нищенку.

– Ты, купец, рот-то прикрой, – резко оборвал капрал. И вот ведь. Вроде и голос не повысил, а сразу же захотелось заткнуться и помалкивать в тряпочку. – Не местный ты и дел здесь, думаю, не имеешь. А потому я тебе объясню разочек, а дальше сам думай. В этом квартале, – Грэм обвел рукой помещение, словно обозначая, о каком именно месте идет речь, – все, кому под тридцать или около того, прошли через руки этой благословенной женщины. Она подтирала задницы и носы всем окрестным ребятишкам. Даже мои орлы прошли через ее руки. – Капрал кивнул на сопровождавших его стражников. – Удивительно, как тебя тут насмерть не забили. – Теперь уже взгляд на трактирщика.

– Матушка Аглая всех урезонила, отправила делами заниматься, – развел тот руками.

– Ага. Она может. Так что, уважаемый, шел бы ты своей дорогой и позабыл о том, что тут приключилось.

– На вас королевская власть в графстве не заканчивается, – снова начал заводиться купец, как только до него дошло, что справедливости ему тут не добиться.

– Ну да, ну да. Ты, конечно, можешь обратиться к королевскому судье или даже к наместнику, если тот соизволит тебя принять. Только я тебя, дурака, по доброте душевной отпускаю, а они, пожалуй, найдут для тебя какой-нибудь указ. Непонятно? Ладно. Ты, дубина, хотя бы понимаешь, что едва не поднял волнение? Все люди окрест чуть ли не молятся на эту женщину, а ты ее грязным сапогом. Кстати, сын наместника жив лишь благодаря стараниям матушки Аглаи.

В этот момент в трактир зашел старичок лет под семьдесят и проследовал напрямик к стойке. Трактирщика он увидел сразу, да только рассмотрел и капрала Грэма. Стало быть, занят хозяин. Но он ему и без надобности. Едва завидев посетителя, к стойке подскочила служанка. Получив мелкую серебряную монетку, она наполнила кружку пивом. Странно, с чего это старый сапожник в столь неурочный час решил выпить? Он и без того балуется редко, а чтобы вот так, среди бела дня, когда еще и время обеда не пришло...

Покончив с пивом, старик двинулся было к выходу, но, рассмотрев купца, которого до этого прикрывал один из стражников, решительно направился в его сторону. Приблизившись, он бросил на стол мешочек, который приглушенно звякнул.

– Твои пятьдесят серебряных, один к одному. И ноги твоей чтобы у меня не было.

Развернулся и размашистым шагом, как человек, чем-то сильно разозленный, покинул трактир. Похоже, прознав о происшествии, старик быстро сложил два и два и тут же принялся разыскивать купца, сделавшего у него заказ, чтобы отдать деньги.

Купчина ошарашенно посмотрел по сторонам, словно спрашивая, как это все понимать. А что тут неясного? Прежде чем пнуть незнакомого человека, который тебе ничего не сделал, подумай, стоит ли оно того. Не выйдет ли тебе это боком.

Стражники и трактирщик злорадно ухмылялись.

– Ох, купец, и как только ты состояние-то себе нажил, – покачал головой капрал. – Сдается мне, с местными торговцами у тебя дела не сладятся, и у ремесленников наших ничегошеньки не купишь. Так что возвращайся к себе в столицу или следуй куда следовал. До вечера, Адам.

– В ночь сегодня? – искренне удивился трактирщик.

– Жан приболел, придется подменить.

– Ну тогда до вечера.

Купец, про которого все словно позабыли, посидел еще с минуту, потом встал, нахлобучил на голову берет и с недовольным видом вышел на улицу.

Вскоре Адаму уже было не до купца с его непонятными требованиями. Пусть радуется, что все так удачно для него обернулось. Грэм, в сущности, прав. Побили бы купчину как пить

дать. Может, насмерть и не забили бы, но без увечий не обошлось бы. А тогда жди беды. Такое началось бы... Впрочем, некогда об том думать – вон работники толпой повалили. Пообедают быстренько – и опять на работу. Те, кто попржимистей, носят с собой, но хорошие работники предпочитают расстаться с мелкой монетой, нежели перебиваться всухомятку куском хлеба да сыра. Тот, кто работает от души, предпочитает и хорошо питаться. К тому же вкладчину куда выгоднее получается.

Наконец поток схлынул, и трактир снова погрузился в полудрему. Редко кто заглянет опрокинуть кружечку пива. В других трактирах есть свои завсегдаи, забулдыги распоследние, которые ради выпивки готовы последнюю рубаху с себя снять, но здесь такого не водилось. Ныне покойный отец Адама, прежний хозяин трактира, после переезда сюда начал было их привечать, наливать в долг, как раньше на прежнем месте, да только матушка Аглая (тогда еще совсем молоденькая, да и матушкой ее никто не величал) воспротивилась этому. Стала сама не своя: и без того вечно хмурая, а тут еще трактира начала сторониться. Уйдет на улицу без кусочка хлеба и весь день ходит с ребятишками. Те вокруг нее вились. И ночевать не идет, а ведь у самой грудничковый младенец на руках. Всякий раз, когда она пропадала, отец Адама на дыбки взвивался, лично по улицам бегал, разыскивал ее и с трудом упрашивал пойти домой. Но та упиралась до последнего, требуя выпроводить всех пьяниц. Трех раз оказалось достаточно, чтобы путь сюда забулдыгам был заказан навеки.

Поначалу над старым трактирщиком потешались. К безумной молодке относились с подозрением. Если кто-то видел рядом с ней свое дите, сразу выбегал на улицу и уводил чадо, от греха подальше. Какой нормальный родитель оставит ребенка с умалишенной? Но потом все само собой устоялось. Лишив Аглаю разума, Господь одарил ее любящим и заботливым сердцем, а главное – лекарским даром.

Случилось, что Жиль, знатный сапожник и отец большого семейства, занедужил. Жили они зажиточно, сапоги мастера стоили дорого, так что на лекаря не поскупились. Он ведь науку старшенькому еще не успел передать, так что благосостояние семьи на нем держится. Но лекари отступились, поставив диагноз – порча. Да не абы какая, а наложенная темным мастером. Очевидно, Жиль крепко на мозоль кому-то наступил, раз взяли на себя непосильный труд найти темного.

Уж отчаялись и начали присматривать место на кладбище, перебирая последние мелкие монетки, когда в дом вдруг без приглашения вошла безумная Аглая. Вот так ее тогда и прозывали. Вошла – и напрямиком к больному. Прильнула к нему и улеглась рядом, поглаживая по лицу и что-то лопоча.

Ох что тут началось!

Поначалу супруга Жили опешила от такой беспардонности, а потом спохватилась. Да и чувство бабье разыграло, чего уж там греха таить. Она-то хоть и при силе, но уже в годах, а тут молодка совсем, вся из себя ладная, хотя и немного худосочная, – под бок к мужу! Ей бы вспомнить, что тот при смерти лежит, какая уж тут ревность, да куда там! Вскинулась так, что весь квартал на уши поставила. Вышвырнула безумную на улицу, но не тут-то было – та обратно в дом рвется. Ее по спине метлой – а она только поскуливает и все равно в дом просится.

Благо весть донесли до отца Адама. Тот сорвался с места и как ошпаренный понесся по улице, едва успев кликнуть вышибалу. Что к чему, сообразил быстро. Притащили они вдвоем умирающего в трактир и определили в комнате Аглаи. Та сразу к сапожнику под бочок, обняла и давай щебетать, как птаха, да лицо поглаживать.

Всю ночь оборону трактира держали. Два патруля стражников подтянулись. Народ до утра никак угомониться не мог. А утром все и ахнули. Выходит Жиль, на своих ногах, с румянцем на щеках, только худой больно. Ну оно и понятно, болезнь все забрала. А вот самой болезни и след простыл. Тогда-то всем и открылось, что безумная Аглая в свое время спасла трактирщика и всю его семью. Но дом они вынуждены были покинуть, потому как оставаться в нем

она ни в какую не желала. Хемрод для проживания Аглая выбрала сама. Поглядела на город издали и захотела в нем остаться. Хоть убей трактирщика, а он от нее не отступится...

Дверь опять распахнулась, и в трактир вошел какой-то слуга – по всему виду, из богатого дома. Одежда из дорогой ткани, в берете торчит перо диковинной птицы. Да и повадки... Знает цену себе, а скорее – своим господам.

– Трактирщик, здесь ли проживает лекарка Аглая? – О как! Экий красавец высокомерный, носом чуть ли не до потолка достает.

– А если здесь?

– Вели ей немедленно собираться. Ее требует к себе барон Мерхайм.

– Тут ведь какое дело, парень... – Слугу аж передернуло от такого вольного обращения. Ну да это его проблемы. – Я ведь матушке Аглае не указ. Проживает она у меня, это так, да только живет, как ей сердце положит. Передай его милости, что, коли в ней надобность возникла, пусть сам приезжает.

– Как ты смеешь...

– Да не смею я, не смею, – примирительно поднял руки Адам. – Да только или так, или никак.

– Послушай, я ведь не могу с этим вернуться к его милости, – видя, что должного эффекта его появление не произвело, сразу пошел на попятную слуга.

– Понимаю, но помочь ничем не смогу. И никто не сможет. Как я понимаю, случилось что-то нехорошее, раз уж матушка Аглая понадобилась.

– Дочка барона серьезно больна. Его милость уж столько лекарей призывал, да все отступились. Вот прослышал, что ваша лекарка чудеса творит. Ты не подумай, я ведь не в замок ее собираюсь везти. Барон с супругой и дочкой в городе, остановились в гостинице «Золотой петух», что в центре.

– Понимаю. Место очень достойное, большие и светлые комнаты, превосходная кухня, вышколенная прислуга. Отличный выбор, там и королю не зазорно остановиться. А у нас тут хоть и чисто, но бедно.

– Я тебя понял. Ты не переживай, его милость и тебя одарит, ты ничего не потеряешь.

– Вот чудак. Говорю же – не хозяин я ей. Хочешь – обожди ее, попробуй сам уговорить.

Слуга не поверил. Дождался матушки Аглаи. Вот только, выслушав все его увещания и просьбы, она посмотрела на него непонимающими глазами и перевела взгляд на Адама, мол, объясни, что хотят-то. А потом вдруг заговорила:

– Мы сегодня с ребятишками купаться на звонкий ручей ходили. Подружились с ужиками. Они такие интересные. Поначалу и детки и ужики перепугались друг дружки, а потом я их познакомила и мы с ними играли. Завтра опять пойдем, они нас ждать будут.

– А это правда ужики, матушка Аглая? Не напутала, часом? Завтра с вами Грегора отправлю.

– Ладно. Только пусть у мамы обязательно тряпицу возьмет, и побольше, а то как в воду залезет, у него тут же нос начинает течь.

Ага, была такая беда у громилы Грегора в детстве. Все они для нее оставались детьми неразумными, за которыми глаз да глаз. Ох и позору-то! Но Адам и не подумал отстраниться, только зыркнул сурово на ошарашенного слугу, когда матушка Аглая наслонявила тряпицу и полезла вытирать пятнышко на щеке трактирщика.

– Она же безумная! – воскликнул слуга, когда женщина наконец удалилась на кухню.

– Она святая, – строго одернул его трактирщик. – В общем, ты все видел. Не указ я ей и барон твой тоже. Если его это успокоит, то передай, что сам наместник короля не гнушался останавливаться в моем трактире, когда беда с его сыном случилась, и графы останавливались, да не только несвижские.

Барон Мерхайм появился под вечер. Не иначе как переваривал и перепроверял информацию. Понять можно. Из престижного района – в ремесленный квартал! К его удивлению, публика здесь была хоть и из черни, но выглядели все чинно, пропойц же и вовсе не наблюдалось.

Слуги на руках внесли молоденькую девушку с мертвенно-бледным лицом. Да и можно ли назвать это лицом? Больная исхудала настолько, что ее голова напоминала череп, обтянутый серой кожей. При виде ее люди стали спешно осенять себя священным кругом с заключенным внутри крестом. Это ж до чего бедняжку болезнь довела! И как ее довели-то еще живую? Порча. Как есть порча, да еще и застарелая. Как видно, уже давно борется бедолага с недугом.

Едва завидев вошедших, Адам устремился к ним. Оно и неудивительно – это не простые работяги, понимание иметь надо. А барон вон каков, спесью так и переполнен. Смотрит вокруг так, словно делает одолжение присутствующим, позволяя лицезреть его персону.

– Трактирщик, где лекарка? – сказал, будто каркнул, Мерхайм.

Окружающие смотрели на знатного посетителя исподлобья. Пни он любого из них – безропотно по мостовой расстелились бы. Все-таки благородный. Но чтобы так о матушке Аглае!.. По трактиру прокатился ропот.

– Не извольте беспокоиться, ваша милость. Скоро будет.

– Смотри, червь, если она не поможет, разнесу твой вертеп, камня на камне не оставлю.

Вот молодец. Можно подумать, тебя сюда зывали. Сам ведь пришел. Причем пришел просить о помощи. «Ты только не вздумай так к матушке Аглае, – подумал про себя трактирщик. – Не поймут ведь, а там и до беды недалеко».

– Непременно, ваша милость. Непременно.

И бочком двинулся к вышибале, чтобы тот народ начал выпроваживать. Ну точно до беды недалеко, а оно ему надо? Хорошо хоть лекарка появилась лишь в тот момент, когда последний посетитель вышел. Убыток, не без того, но тут уж не до жиру. Лишь бы все обошлось.

Аглая вошла с улицы. Она, как всегда, предпочитала душному помещению уличную прохладу. Даже зимой большую часть времени проводила на улице, не обращая внимания на мороз. Адам не волновался по поводу поздних прогулок женщины. Не все ее воспитанники избрали честную стезю – были и те, что пошли по темной дорожке. На кого угодно руку поднимут, а матушку Аглаю обойдут стороной, потому как смотреть ей в глаза мочи нет. Да еще и другим накажут не становиться у нее на пути. Бывало, забредет в такую глухомань, куда и стражники ночью заглядывают с опаской, да и то не поодиночке, а десятком. А ей хоть бы что – ходит, ни на кого не обращая внимания.

В принципе время для ее возвращения еще раннее, но Адам знал точно: стоит болящей душе переступить порог трактира, как у Аглаи словно звоночек внутри начинает звенеть, и она со всех ног бросается к дому. Ни на кого не глядя, она тут же приблизилась к девушке (то, что это не мальчик, только по платьицу и угадывается) и потянулась к ее лицу.

– Эй, старуха!

Но та словно и не слышит. Лицо озарилось теплой улыбкой, лекарка смотрит в глаза больной, даже безумие как будто отступило. Прикоснулась к впалым щекам, провела пальцами по тонким иссушенным и потрескавшимся губам.

– Красота какая, – чуть склонив голову набок и продолжая оглаживать лицо девушки, произнесла Аглая. Ну да, конечно, красавица. Через год из могилы труп извлеки, вот и получишь такую красавицу.

– Послушай, ты!..

Барон схватил было лекарку за руку, но тут же выпустил: ничего не понимающая женщина перевела на него взор и... Нет нежности, нет сияния, нет улыбки... Нет разума в ее глазах. Адам встрепенулся и, понимая, что с бароном общаться бесполезно, шепотом обратился к баронессе, утиравшей вдруг наворачнувшиеся горькие слезы:

– Ваша милость, нельзя так. Хотите спасти дочь – попросите его милость оставить вас здесь. Господом нашим клянусь, все будет хорошо.

– Она безумна, – ошарашенно произнесла мать.

– Она всегда была безумной, но это не помешало ей помочь многим.

– Да что тут происходит! – закричал Мерхайм. – Это что, дурная шутка? Где лекарка? Что это за сумасшедшая?!

– Дорогой, она и есть лекарка, – робко пояснила баронесса супругу.

– Она не может быть той лекаркой!

– Но помнишь, нам говорили, что она немного не в себе.

– Плевать, что там говорили! Мы уезжаем!

– Нет... Умоляю, Орваль, мы уже попробовали все возможные средства.

– Па-па, я хо-чу ос-тать-ся, – вдруг произнес скелет, обтянутый кожей.

Девушка говорила так, словно делала невероятное усилие, буквально выталкивая из себя слова. Этот голос поверг в шок обоих родителей. Вот уже два месяца их дочь не могла произнести ни слова, а тут...

Аглая, как только барона отвлекли, вернулась к больной и принялась снова оглаживать ее лицо.

– Грегор, мальчик мой, отнеси Агнессу в мою комнату. Тебя ведь Агнесса зовут, принцесса?

– Д-да.

«Мальчик» Грегор, косая сажень в плечах, тут же подступил к слугам и выхватил из их рук девчущку. При этом так на них зыркнул, что те не решились что-либо предпринять, не говоря уже о том, чтобы воспрепятствовать. С невесомой ношей в руках Грегор быстро взбежал по лестнице. Аглая проследовала за ним. Какое ей дело до бесед этих сумасшедших, когда к ней принесли такую красотку! Ей не терпелось с ней поговорить, разузнать обо всем, а потом, когда малышке станет полегче, она обязательно познакомит ее с детишками. У Аглаи очень много детишек. Грегор! У него нос не потечет? Не дай господь, испачкает девочку. Вот и комната.

– Что это...

– Дорогой!

– Ваша милость, поверьте, все будет хорошо. Если матушка Аглая не заплакала, то все будет хорошо. Значит, она поможет. Просто поверьте, я знаю ее очень давно.

– Трактирщик, если с моей дочерью хоть что-то случится... Я не знаю, что с тобой сделаю!

– Ваша милость, я ведь не враг себе.

– Орваль, умоляю, поезжай в гостиницу. Я останусь здесь, присмотрю за нашей девочкой. Ты же слышал – она заговорила. Ну вспомни, когда мы в последний раз слышали ее голос.

– Она могла ее зачаровать, – неуверенно произнес барон.

– Да какая разница! – вдруг вскрикнула мать. – Она уже мертва! Мы уже соборовали ее. Святой отец причастил бедняжку. Если есть возможность, я буду бороться за нее до конца. Умоляю тебя, просто не мешай. Не можешь молча взирать на это, уйди. Умоляю.

И он ушел. А что еще ему оставалось делать? По виду барона Адам понял, что тот не простит жене вольности, но устраивать скандал на глазах у черни... Он еще вернется к этому разговору. Позже.

Ночь баронесса провела в трактире – на втором этаже, в комнате, отведенной ей для постоя. Однако, несмотря на то что ее постарались устроить со всем прилежанием, выделив лучшее белье, а сама комната была в приличном состоянии, женщина так и не сомкнула глаз. Да и немудрено. Утром она предстала усталой и измотанной, словно всю ночь была занята

тяжелым и изнурительным трудом. Но это все ничего. Это пустяки. Радости несчастной матери не было предела, потому что ее девочка попросила есть.

Она обрадовала мужа этой вестью, едва он переступил порог трактира. Гордый и самодовольный барон вдруг как-то сник, подался назад и как подкошенный рухнул на скамью. Вчера он просто уступил супруге, чтобы не выяснять отношения на глазах у черни, но сегодня... Сегодня он был благодарен ей за ее настойчивость и непокорность.

Родители всегда любят своих детей, даже если окружающие считают их полным ничтожеством. Эта любовь выражается по-разному, но она есть, и ничего с этим не поделаешь. Невыносимо больно видеть, как угасает твое дитя, а ты не можешь ему ничем помочь. Ты готов оказаться на его месте, но тебе не по силам произвести такой обмен. И самое большое облегчение может принести лишь осознание того, что опасность миновала. Нет, девочка еще не выздоровела, и барон это прекрасно понимал. Пока сделан только первый шаг, но этот шаг – уже не к могиле, а от нее.

– Трактирщик!

– Да, ваша милость? – Адам тут же материализовался перед бароном.

– Вот, это тебе за то, что вчера оказался дерзок и дерзость твоя пошла на пользу моей дочери. – С этими словами Мерхайм бросил на стол туго набитый кошель.

Хм... Однако спесь не мешает ему быть щедрым. Адам мог поклясться, что в кошеле отнюдь не серебро. К тому же там столько, сколько ему не заработать не то что в трактире, но и промышляя всеми темными делишками. Ну да, он не святой – пробавляется связями с лихим народцем и контрабандой. Правда, особо не зарывается. Но все, что касается матушки Аглаи...

– Прошу прощения, ваша милость, но за постой баронессы и стол здесь слишком много, – нервно сглотнув – уж больно велик соблазн, – ответил Адам.

– Ты отказываешься от вознаграждения?

Нет, ну чего злиться-то? Никто ведь не заламывает цену и не покушается на твое золото. Наоборот, все оставляют тебе, до последнего серебряника. Вот поди пойми этих благородных!

– Вы простите меня, ваша милость. Я бы с радостью принял столь щедрую награду, но не могу. Еще родитель мой мне заповедал заботиться о матушке Аглае, как о родной матери, и даже не пытаться заработать на ней хотя бы серебряник. Да я и отношусь к ней, как к матушке. И сына ее на ноги поставил, воспитывая, как младшего брата.

– Впервые встречаю столь честного трактирщика. Но ведь такого быть не может!

– Беды на наш род обрушатся, коли за ее дар начнем брать плату. А мне этого не нужно, – вздохнул трактирщик. – И ей не предлагайте. Бесполезно это. Да и не знает она, что такое серебро или золото. Ее даже их блеск не прельщает. Покрутит в руках, покрутит да и выбросит.

– А как же плата за постой?

– Тут все честь по чести. Я же не предлагаю остаться у меня в трактире, ее милость сама изволила. За девочку ничегошеньки не прошу, она в гостях у матушки Аглаи. Только за комнату, что занимает баронесса, но плата самая обычная. А коли не останется, так и того не надо.

– Выходит, ты связан обетом, – понял все до конца барон.

– Это так, ваша милость, – вздохнул трактирщик.

– Бедолага. Это же, получается, каждый тебе предлагает золото, а ты должен отказываться.

Ну вот, нормальный же человек. Может и без высокомерия вести себя. Вот только не ту тему он выбрал для шуток. Адаму такие шутки – как если за причинное место ухватить да сжать изо всех сил. Но тут уж он бессилён. А главное, не только из страха он себя так ведет, но и от искренней любви к этой женщине, которую чтит даже выше покойной матери.

– Ладно, не расстраивайся так, трактирщик. Сколько у тебя комнат?

– Две, ваша милость.

– Ну тогда я займу обе на все время, пока Агнесса будет здесь. И слуг моих принимай на постой. Сарай-то найдутся, чтобы разместить?

– Это как плата получится? – усомнился Адам.

– Понимай как знаешь. Но с другой стороны, ты меня не зовешь, людей размещать не предлагаешь. Это я переезжаю к тебе из другой гостиницы.

– Но плата обычная, – тут же поспешил уточнить Адам. Беды – они никому не нужны, а уж ему-то в последнюю очередь.

– Ну что ты упрямисься? Мясо наисвежайшее, еще и часу не прошло, как тот барашек на лужке пасся. Ну не могу я, болею. Понимаешь? Давай не упрямься и ешь. Вот же упрямец! Ну тогда сиди голодный.

Отчаявшись накормить своего питомца, мужчина героического сложения бросил кусок мяса в клетку, впрочем, открытую. Потом устало вздохнул и, переломившись в поясе, упер ладони в дрожащие колени. Вообще-то его можно назвать и стариком, потому как на вид ему лет шестьдесят, а то и больше. Однако, глядя на эту живую гору, все такую же крепкую, как в годы своего расцвета, меньше всего думаешь о старости. Сила легко угадывалась, несмотря на то что вид у него сейчас не самый бодрый.

Что-то он совсем расклеился. Уж и не помнит, когда в последний раз так болел. И с чего бы это? Неужели тот дождь, под который он попал на охоте, виновен в его хвори? А может, это старость решила все-таки заявить на него свои права? Жизнь он прожил бурную. В ней было все: от нестерпимо палящего солнца до ледяного холода и сырых подземелий. Причем в последнем месте ему доводилось бывать в различном качестве.

Он лично вел дознания и был знаком со многими пыточными во многих замках. Он же являлся и узником самой глухой темницы в королевской тюрьме, для особо опасных преступников. Там он провел ровно год. Даже его самые верные шпионы не рискнули ему помочь. А может, попросту обрадовались, что тот, кто держал их в ежовых рукавицах, сейчас неспособен им ничего сделать.

Прошел он и через пытки. Но он оказался тем самым пленником, которого так и не удавалось разговорить. У него такого не случалось: заговаривали даже самые упрямые и фанатичные подследственные. Несмотря на длительные допросы, длившиеся, казалось, целую вечность, он не выдал ни одного из своих соглядатаев, ни в Несвиже, ни в других королевствах. Он не сказал ничего.

Он был не просто особенным. Он стал легендой, но не только благодаря своему стальному характеру. За это отдельная благодарность Теду, палачу королевской тюрьмы, с которым их связывали многие часы, проведенные вместе в мрачном подземелье, когда они вместе дышали царящим там смрадом. Тед многому научился у барона Гатине, верного пса покойного короля Георга Третьего и, как утверждали, всего королевского рода. Сторожевой Несвижский Пес – это прозвище известно далеко за пределами королевства. Так вот, было дело – они с палачом вместе выпили по чарке вина все в том же подземелье за упокой короля, когда тот умер. За все время знакомства барон ни разу не удосужился подать руки палачу, еще чего не хватало! Но вот тогда, убитый горем, он отчего-то спустился в пыточную и, обнаружив там Теда, потребовал кружку. Налил вина, потом плеснул в другую, и, не чокаясь, каждый из них осушил посудину. Вот и все. Но старина Тед этого не забыл, и плевать, что тогда барон был в расстройстве чувств и слабо соображал, что делает. Это была великая честь, и это осталось с палачом на всю жизнь.

Нет, он не прикладывал к телу Жерара холодное железо, оно было раскалено как положено. И стальные шипы самым натуральным образом впивались в его плоть. Клинья, вбиваемые между досками «загросского сапога», исправно давили на них и самым настоящим образом дробили голени допрашиваемого. Тут Тед ничего не мог поделать, потому как очень легко мог занять место рядом с бароном. Но палач понимал, что единственное, чем барон сейчас

может отомстить тем, кто над ним куражится, – это молчание. Поэтому когда Жерар уже приближался к грани, когда готов был заговорить, Тед слегка перегибал палку – и допрашиваемый лишался сознания.

Его приводили в чувство, ему давали время прийти в себя, и все начиналось сначала. Казалось, барон должен был возненавидеть человека, из-за которого все повторялось вновь и вновь, но он был ему признателен – только благодаря этому он оказался на свободе.

Барона обвинили в государственной измене. Но вот ведь странное дело – во время пыток допрашивавшие в основном интересовались его осведомителями и связями, открыто желая вскрыть всю его сеть, которой он, словно паук, оплел все королевство и территории за его пределами. Их интересовал его личный архив, который находился в тайнике. Его родовой замок и дом в столице прощупали и простучали до последнего камешка, но все тщетно.

Они прибегли даже к помощи темного мастера: его тайно провели в темницу, чтобы зачаровать барона и заставить все выложить. Но даже измученный нескончаемыми пытками, он только рассмеялся в ответ на эти потуги. Выяснилось, он из очень редкой породы людей (такие встречаются один на несколько десятков тысяч), которые попросту не поддаются чарам.

Если бы им удалось получить желаемое, в их руках оказалось бы мощное оружие. Настолько мощное, что они могли сами прийти к власти. Но Жерар выдержал. Через год король потребовал в конце концов представить ему доказательства вины барона, а главное – его признание. Обвинители попытались сфальсифицировать документы и даже прикончить узника, который никак не хотел издыхать. Но король оказался достаточно умен и прозорлив.

Когда Берард Первый в сопровождении гвардейцев посетил пленника, он приказал перевести его в апартаменты в королевском дворце. Ровно месяц Жерар находился между жизнью и смертью. Однако раны телесные – это не порча, которую нельзя снять, пока не найден тот темный, что ее наложил. С ними мастер Бенедикт умел справляться, хотя задача была нелегкой даже для него. Тут сыграли свою роль и стальной характер, и сильный организм, и воля к жизни, поддержанные искусством лекаря.

По прошествии месяца барон Гатине, который все это время находился под охраной гвардейцев короля, наконец перестал беспрестанно впадать в забытие и смог начать думать. Не вставая с койки, он сумел распутать весь клубок и вскрыть заговор. Он не смог вести следствие лично, а только раздавал указания. Но иного и не требовалось. Достаточно было довести дело до того, чтобы подозреваемые оказались в пыточной. Уж к этим-то господам Тед не питал никаких нежных чувств, так что сработал самым лучшим образом.

Из этой затянувшейся истории сэра Жерар, барон Гатине, вышел овеянный славой верного подданного короны, негнибаемого человека, над которым не властен ни палач, ни темный мастер. Да-да, прознали и о том, что на барона пытались навести порчу, но все старания темного оказались напрасными.

Вот уже многие годы Жерар продолжает заниматься тем, чем занимался всегда. Раны зажили окончательно, и он стал так же крепок, как в былое время. Осталась заноза, обида на короля, но он безжалостно ее давил. Он служил не конкретно Берарду Первому – он по-прежнему служил своему сюзерену. А также другу, взирающему на происходящее с небес, и Несвижу. В первую очередь – Несвижу.

– Барон, пора принимать лекарство.

Появившийся в кабинете молодой мужчина держал в руках небольшой серебряный поднос, на котором стоял кубок, накрытый салфеткой. Мужчина был одет самым обычным образом – облегающие крепкие ноги лосины, высокие сапоги. Из-под расстегнутой кожаной куртки выглядывала белая рубашка. Самый обычный молодой дворянин, волочащийся за женскими юбками. Таких хватает вокруг. В основном это младшие сыновья, у которых лишь две возможности обрести благосостояние и обеспечить себе старость – либо удачно жениться на деве или

вдове с богатым приданым, либо поставить на доблесть и завоевать себе свое будущее. Впрочем, все они предпочитали использовать сразу оба способа, увеличивая шансы на удачу.

– Волан, убери от меня эту гадость. Неужели ты не можешь использовать какое-нибудь заклинание, поводить надо мной руками и немедленно излечить?

– К чему злоупотреблять жизненными силами? Ты и без того потерял лет десять, когда над тобой трудился мастер Бенедикт, вытаскивая с того света.

– Уж не ты ли пытался меня туда спроводить?

Все правильно, это был тот самый темный мастер, который за плату пытался зачаровать Жерара, а позже наслать на него порчу. Когда заговор раскрылся, ему без труда удалось замести следы. Темные вели скрытный образ жизни, даже наниматели толком не знали, с кем имеют дело. Однако ему не повезло (или, наоборот, повезло, это с какой стороны посмотреть) предстать в камере перед бароном с открытым лицом.

Ну откуда он мог знать, что чары не подействуют на Жерара? Он хотел умертвить страдалца, но ему не позволили: заговорщики все еще не теряли надежды разговорить упряма. За остальных мастер не переживал. Он легко всех зачаровал, и никто не смог бы вспомнить его внешность. В их памяти он остался темным размытым пятном.

После раскрытия заговора Волан поспешил покинуть королевство, но судьбе было угодно столкнуть их с бароном нос к носу в одном неприметном провинциальном городке в королевстве Мгалин. Барон и не подумал мстить. Напротив, он предложил защиту и посильную помощь. Вот уже несколько лет он держал свое слово, а темный мастер оказывал услуги. Они даже стали несколько дружны.

– Ты все еще дуешься, – вскинул брови мастер. – Зря ты это, право слово. Я тогда просто отработывал заплаченное мне золото.

– А теперь?

– Ты же знаешь, меня с тобой связывают куда более прочные узы, чем золото.

– Ага, все пытаешься понять, что это за порода людей такая, на которых ни чары, ни порча не действуют, но зато целительское искусство – очень даже.

– Не все дурное столь уж плохо. Например, зачаровав человека, можно обезболить любую рану.

– Ты еще про пользу порчи расскажи.

– Тут пользы никакой, если только для соперника. Барон, я вижу, ты стараешься заговаривать мне зубы, пока питье не остынет. Ты же знаешь, что после этого оно станет негодным и мне придется все начинать сначала. Не люблю что-либо переделывать.

– Слушай, ты бы туда хоть меду добавлял.

– Не вредничай, как маленький ребенок. Давай пей, обещаю – на этот раз сразу полегчает.

– Опять обманешь, – махнул рукой Жерар.

– Обману, – легко согласился Волан. – Простуда, даже запущенная, – не тот случай, чтобы прибегать к жизненным силам. Эдак ты быстро разбросаясь.

– Ну тогда давай я просто отлежусь. – В голосе барона промелькнула надежда. А что тут поделаешь, питье и впрямь отвратное.

– Каждый день болезни отрицательно сказывается на моих трудах. Мне и без того за эти годы удалось вернуть тебе только пять лет из отобранных мастером Бенедиктом. Пей. Мне уже нужно бежать, молодка совсем заждалась, а я тут теряю время с упрямым стариком.

Глядя на эту картину, можно подумать, что беседуют два сверстника. Но на деле это, конечно, не так. Волан более чем в два раза старше Жерара. Вот так вот. С этими мастерами никогда нельзя быть ни в чем уверенным.

Питье все же было опрокинуто вовнутрь. Правда, после этого барон еще некоторое время боролся с позывами желудка исторгнуть из себя столь неудобоваримое пойло. Но после некоторой борьбы он все же вынужден был смириться, и барон наконец облегченно вздохнул.

– Послушай, а девок ты тоже зачаровываешь?

– Вот еще! – возмущенно фыркнул мастер. – Нет, в молодости я этим, разумеется, грешил, но потом понял, что это дурь и, если хочешь, самое настоящее изнасилование. Так что уже с очень давних пор я предпочитаю добиваться ласки. Лишь тогда она чего-то стоит. Ну и уважение к самому себе растет.

– Понятно. Ладно, иди к своей зазнобе, а то еще решит скользнуть к кому другому под бочок.

– Только еще один вопрос. Ты обещал изловить оборотня. У меня есть парочка идей, но для экспериментов нужен живой оборотень.

– А не на охоте ли за ним я простудился? Все зависит от тебя: чем быстрее поставишь меня на ноги, тем быстрее я тебе изловлю эту зверюгу.

– Оборотень не зверь, и ты это прекрасно знаешь. Ладно, уговорил.

Барон посмотрел на мастера, словно маленький ребенок, которому пообещали вождь-ленную игрушку. Что поделает, не любил он чувствовать себя слабым.

– Я подожду, – закончил мысль Волан.

– Да пошел ты.

– Куда?

– К молодке, волокита.

– Это я обязательно. Да, еще одно...

– Ну?

– Я насчет той женщины из Хемрода.

– Слушай, Волан, не перегибай палку. Эту женщину я тебе тронуть не дам. В мире еще столько непознанного, что хватит даже на твою долгую жизнь. Обойдешься без нее.

– Но ее способности...

– И думать забудь. Боже, если бы она появилась раньше! Георг все еще был бы жив. Если еще раз заговоришь на эту тему, то не то что ее не получишь, а вообще ничего для тебя добывать не стану.

Что тут скажешь. У барона Гатине насчет порчи имелся свой пунктик. Пожалуй, лучше и впрямь оставить эти попытки. Но какой уникальный случай! Уму непостижимо, что творила эта женщина! Любая порча распадалась и истаивала под напором ее дара, главное – не затягивать надолго. Правда, не сказать, что слишком многие уверовали в это, несмотря на подтвержденные случаи. Мастера утверждали, что подобное невозможно и, скорее всего, это обычное везение, которое приписывается какой-то сумасшедшей. Ну и кому верить? Слухам, даже если их разносят титулованные особы, или светилам лекарского искусства?

Ни одного мастера она к себе и близко не допускала, распознавая их сразу, в особенности темных. Эти в своем стремлении к знаниям не гнушались никакими средствами. При виде темных у нее попросту начиналась истерика. Лучше держаться от нее подальше, чтобы она не выдала ненароком темного мастера, который внешне ничем не выделяется среди других людей.

Эта сумасшедшая пользовалась огромной любовью окружающих. Если закатит истерику при виде человека, его могут попросту забить. Кстати, был уже случай, когда жертвой пал один из темных, слишком много возомнивший о себе и возжелавший получить ее для своих экспериментов. Мастер может взять под контроль четверых одновременно. Некоторые способны проделать это и с шестью. Но с разъяренной толпой, да еще и объединенной общей идеей, не под силу совладать никому.

Когда Волан наконец покинул кабинет, спеша на встречу с ветреной особой, поджидавшей его в укромном местечке, барон вновь подошел к клетке со своим питомцем:

– Нет, ну что ты будешь делать! Не ешь. Ладно, давай тогда так. Я выпущу тебя с балкона, а там уж как знаешь. Но не дай бог, крестьяне станут жаловаться, что ты их кур гоняешь, – отправлю в суп.

Жерар надел на руку большую кожаную перчатку и поднес ее к открытой дверце просторной клетки. В ответ на это движение раздался торжествующий клекот ястреба, и гордая ловчая птица с чувством собственного достоинства переместилась на рукавицу.

С птицей на руке барон вышел на балкон и, вдохнув полной грудью прохладный чистый воздух, с пониманием посмотрел на пернатого охотника. Понятное дело, ястреб заскучал в клетке по просторам, которые не заменить ничем. Он и сам, подобно этой птице, изнывал от вынужденного заточения. Птица была необычной, ведь воспитал ее лично барон. Так уж случилось, что очередную опалу он уже целый год переживал в своем баронстве. Подобное бывало время от времени. Этот ястреб никогда не знал ни поводка, ни колпачка, его глаза всегда обзревали все вокруг. Говорили, таким образом воспитать ловчую птицу невозможно, вот и решил проверить барон, насколько это правда. Оказалось, трудно, но все же возможно.

– Ищи!

Скомандовав, Жерар слегка подбросил птицу вверх. Ястреб, взмахнув крыльями, устремился в мурое, затянутое тучами небо.

Все же, наверное, старость неумолимо подбирается к барону. Неукоснительное выполнение требований мастера, возможно, и помогает продлить жизнь, но все же, взявшись за дело слишком поздно, трудно соперничать с костлявой. Мастера начинают заниматься вопросом долгожительства гораздо раньше, еще с детских лет. Именно в малолетнем возрасте они оказываются в учениках. Чем человек взрослее, тем труднее рассмотреть в нем дар, а сколько труда, причем без гарантии успеха, приходится затратить на его пробуждение! Детская непосредственность и вера в сказки способствуют этому как нельзя лучше.

Да, точно, это старость... Выходит, нужно подумать о преемнике, иначе труд всей его жизни может пойти прахом, как когда-то случилось с чаяниями его покойного друга, короля Георга Третьего, после которого попросту не нашлось достойной личности, способной продолжить его дело.

– Вернулся, разбойник. Хм... Кролик. Надеюсь, ты его нашел в чистом поле. Да не смотри на меня так, я сырое мясо как-то не жалую. Так что ешь, не стесняйся.

Глава 3

Наемник

– Сынок, это тебе не вилка. Хотя сомневаюсь, что ты умеешь держать вилку, но все же сделай одолжение, относись к оружию уважительно.

Далеко не все простолюдины знали, что это за столовый прибор. Чернь предпочитала обходиться неким подобием ложек, а скорее лопаточками, вырезанными из дерева, размеры которых варьировались от маленьких – для еды – до больших – чтобы накладывать похлебку или кашу в миску. Все, что не могло быть съедено при помощи этого, потреблялось с применением ножа и рук. Вот, пожалуй, и все.

Стоит все же отметить, что в свободном обращении позволялось иметь ножи длиной не более ладони. Большой нож можно иметь лишь один на семью, но зачастую обходились обычными – не многие готовы пожертвовать изрядной суммой, только чтобы хозяйке было удобнее орудовать на кухне.

– Я умею держать вилку, – буркнул парень лет двадцати, нагибаясь и подбирая выбитый меч.

Еще бы не уметь, если вырос в трактире. Конечно, у дядюшки Адама публика водилась в основном простая, но случалось, заезжали и благородные, а тут уж будь любезен, обслужи как положено. Георгу не нравилось, как они с матушкой жили. Трактирщик никогда ни словом, ни намеком не попрекнул, более того – проявлял заботу о нем, как о младшем брате, всячески ограждая его от плохого влияния улицы, но мальчика не покидало ощущение, что они живут в долг. Едва начав осознавать, что нужно работать, если хочешь что-то иметь в этой жизни, даже кусок хлеба, он занялся делом. Уже в семь лет он начал помогать по хозяйству, а в десять разносил заказы по столам и доставлял корзинки с едой постоянным клиентам прямо на рабочее место.

Был еще один способ. Он не подразумевал никакой работы. Но как ни пытались сбить Георга на кривую дорожку его ровесники и мальчишки постарше, он на это не пошел. Было дело, его заприметил один хитрован отгалкивающей внешности, и, хотя у него все равно ничего не получилось бы, дядюшка Адам недвусмысленно предложил ему отвалить в сторону.

– Ты мне еще погрызайся. Если ты умеешь обращаться с вилкой, то тем более должен знать ее отличие от оружия. В позицию. Готов? Атакую!

Нет, ну что ты будешь делать! Меч, как нечто инородное, вновь выскочил из руки и упал в пыль. Наставнику надоело такое безобразие, и он ощутимо приложился клинком плашмя по пояснице парня. Дьявол! Больно! Георг даже вскрикнул, выгнувшись дугой, непроизвольно расправив плечи так, что хрустнула грудина.

– Дальше будет только хуже. Так что советую держать оружие крепче.

Вообще-то парень думал, что уже в достаточной мере научился обращаться с оружием. Да и все в отряде сходились во мнении, что у него весьма хорошо получается. И где только командир нашел этого изверга! С ним сразу все пошло не так. Поглядев для начала на старания всех наемников в отряде, он отчего-то выбрал Георга. Заявил, что парня вполне терпимо научили обращаться с мечом, но придется переучивать. Терпимо?! Да он проигрывал всего две схватки из трех даже командиру! А с остальными дрался на равных. Год, проведенный среди наемников, не прошел даром. Но Джим так не считал и взялся за парня засучив рукава.

Даже на марше, когда их десяток охранял караван, Георгу приходилось постоянно бегать вокруг повозок, причем при полном вооружении. Сначала он обгонял все повозки, потом бежал в хвост, огибал его – и все повторялось. И это на марше, а ведь случись нападение... Купцу не очень понравился такой расклад, но командир резонно заявил, что на момент заклю-

чения договора охранников было девятеро, так что в случае нападения ничего не изменится. К тому же с появлением Джима их отряд изрядно прибавил – эдак бойца на три, если не больше. Зародившаяся было надежда, что его мучениям пришел конец, растаяла, как утренняя дымка, и все для Георга пошло по-старому.

Он попытался было возмутиться. Ведь не новобранец! Мало того, за минувшее время успел поучаствовать в деле и даже имел на своем счету троих упокоенных разбойников. Но командир предложил ему заткнуться или валить из отряда без выходного пособия и без оружия. Своего у Георга не было, если не считать большого кинжала, простого деревянного щита и топора. Ну а какие еще трофеи можно взять с разбойников?

Заработанного едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами, ну максимум купить что поплоше. Хотя его клинок был так себе, но даже на нечто подобное его жалования не хватало. Ничего удивительного – какие бойцы, такая и плата. В таких отрядах редко встречались стоящие воины, разве что крепкие середнячки, каким, кстати, и был их командир.

Все хорошие бойцы старались перебраться в отряды с более высокой репутацией. Выделяясь среди своих, там они в лучшем случае становились всего лишь середнячками, но зато плата была существенно выше. В такие отряды попасть было непросто. Каким бы хорошим бойцом ты себя ни считал, предстояло еще выдержать вступительные испытания. Посчитают, что подойдешь, – повезло, нет – иди на все четыре стороны. Иногда возвращались к своим, но чаще все же постепенно скатывались вниз, пробуя силы во все новых отрядах, пока не находили такой, где вполне соответствовали требованиям.

Была еще одна возможность: наняться к графу или пойти на королевскую службу. Но и там не без сложностей. Брали-то всех, но уже внутри подразделения командир определяли тебе место – либо ты мясо и твое место в первой линии, либо ты чего-то стоишь и тебя надо приберечь. Правда, плата все равно выше, чем, к примеру, в их отряде. Георг уже начал подумывать уйти в подобное подразделение, но пока это неосуществимо. Согласно уговору он должен прослужить в десятке еще два года, причем на самой низкой оплате. Оно и понятно, ведь его обучают мастерству, а это тоже чего-то стоит. Потом – либо свободен как птица, либо договор продляется еще на год. Тут уж как выпадут кости или как сам захочешь.

Из отряда можно уйти и вот так, как предлагал командир: без выходного пособия, только с тем, что принадлежит тебе лично. Но лучше этого не делать. Земля – она большая, но отчего-то очень тесная. В среде наемников вести распространяются довольно быстро, а среди четверых обязательно найдутся двое, которые хотя бы раз встречались. Не расскажешь о себе всю правду, она все равно всплывет. Так что врать среди них не рекомендовалось. Правда, это относится к более серьезным проступкам: если, к примеру, тебя поперли из-за невыполнения приказа, каким бы абсурдным он ни был. Дисциплина среди наемников строже, чем в королевских полках, хоть и со своим уклоном.

Тут имелись свои тонкости. В походе или в бою – все четко и однозначно, а после они превращались в настоящих мародеров. При штурме городов горожанам оставалось лишь молиться, чтобы их квартал был занят коронными полками. Если окажутся наемники, то разграбят все подчистую, да и людям достанется. Ходила такая примета – если наемники участвуют в штурме, значит, город удерживать не планируется.

Едва караван останавливался на привал или ночевку, парень, и так истязуемый весь день, принимался поднимать тяжести и выполнять иные упражнения, как силовые, так и на ловкость. Упражнения подбирал и показывал безжалостный наставник, после чего следил за выполнением со стороны. Выматывался Георг изрядно. Еле доносил ноги до своей походной постели и тут же проваливался в сон без сновидений.

Опять оружие в руке. Опять атака... Дьявол! На этот раз наставник не ограничился одним ударом меча, но еще приложился ногами. Не успокоившись, засветил кулаком так, что из глаз посыпались звездочки, а из носа потянулась юшка крови. Хм... Пожалуй, еще и губам

досталось, этот солоноватый привкус во рту – неспроста. Георг провел языком, ощупывая губы с внутренней стороны. Так и есть. Теперь разнесет лицо, словно его кто-то отделал. А вообще-то и отделал.

Парень вдруг почувствовал, что наливается бешенством. Разозлиться-то разозлился, но голову не потерял, даже не подумав потянуться к висящему на поясе кинжалу. Поднимать оружие на своего соратника... За это сразу лишали жизни, без лишних разговоров. А вот мордобой... Мордобой – совсем другое дело.

Георг попер, как бык, так что Джиму не составило никакого труда догадаться о его намерении. Он только отшагнул назад и вогнал в землю меч, чтобы ненароком не воспользоваться им. Бросать на землю оружие, которое тебе не раз спасало жизнь и еще сослужит службу, у воинов не принято.

А ничего так. Мальчишка и впрямь ловок, он в нем не ошибся. Вон даже заехать по скуле умудрился, вскользь, но вполне чувствительно. Другое дело, что это ему не помогло. Джим в пару мгновений опрокинул нападающего в пыль.

– Что ж, без оружия ты кое-чего стоишь, – потирая скулу, заметил наставник, стоя над распластанным на земле парнем. Тот жадно ловил ртом воздух, глотая заодно и пыль. Но тут же пригасил появившийся было блеск в его глазах: – Так, самую малость. Но мы тут не на сельской ярмарке, где крестьяне показывают удаль в кулачном бою. Поднимайся и бери меч.

Сегодня Георгу досталось особенно сильно. Как видно, прощать выходку Джим не собирався. Но наступили и кое-какие перемены. Наставник отчего-то вдруг начал объяснять, что ученик делает неверно и как следует поступать правильно. И это после издевательств, длившихся целую неделю. Как будто нельзя было с самого начала так! У-у-у, гад!

Парень устал так, что не приведи господи, но любопытство оказалось сильнее. С какой радости ему обломилось такое счастье – попасть в ученики к этому паразиту, который задался целью не столько его научить, сколько выбить из него дух?

Ведь никого больше не трогает. Когда парни пытаются отрабатывать приемы, он и ухом не ведет. Замечаний не делает, не ухмыляется. Никакого внимания к их потугам. Словно и не видит ничего.

Странно это все. Тело требовало лишь одного – рухнуть в койку сразу после ужина. Но, пересилив усталость, Георг подсел к парню на пару лет старше, с которым у него были приятельские отношения.

– Дэн, не объяснишь, что тут происходит? С первого дня, как этот Джим появился, меня припахали так, что и вздохнуть некогда, а командир его во всем поддерживает. Я попытался пожаловаться, так он мне приказал заткнуться и отрабатывать жалованье.

– Ты и впрямь не в курсе?

– Зачем бы мне тогда спрашивать? По всему вижу, что этот гад в одиночку может положить весь наш десяток, но что он делает среди нас – не понимаю. Мы, пожалуй, вместе взятые не получаем того жалованья, что он.

– Тут ты загнул, но твоя правда – услуги его очень дороги. Просто не повезло мужику.

– А нормально объяснить? – набычился Георг.

– Ладно, – смиловился Дэн и дружески хлопнул приятеля по плечу, вырвав у того легкий стон и поймав злой взгляд. Ага, Джим отметился нехило. Дэн тут же поднял руки в примирительном жесте, мол, прости, забыл, и, как бы заглаживая вину, начал рассказывать: – Джим не простой наемник, он скорее наставник. Уже много лет не примыкает ни к одному из отрядов наемников, но его то и дело приглашают бароны и графы, чтобы подтянуть своих бойцов или отпрысков. Пользуются его услугами и командиры отрядов наемников. Среди наших он личность известная. Может, слышал про Рубаку Джима? Нет? Ладно. Вот только подчиняться не любит. Зато сам во время обучения превращается в настоящего тирана. Ну да это ты и так видишь.

– Еще бы!

– Ага. Так вот. Джим направлялся в Раглан. Тамшний граф пригласил его к себе. Он должен был прибыть туда из Гелдерна, где тоже натаскивал графских отпрысков.

– Так ведь и мы туда направляемся.

– Ты слушать будешь? Или не устал и спать не хочешь?

– Скажешь тоже!

– На постоялом дворе в Ирвине, пока ты окучивал ту деваху, кое-что произошло. Наш командир сошелся с Джимом, и они устроились за столом с костями. Сдается мне, в последний раз нашему Олафу так везло, только когда он смог сколотить свой отряд. Джим проигрался по полной. Ему бы остановиться, но он закусил удила – не любит проигрывать. Короче, с каждой партией проигрыш рос и вырос чуть ли не в годовое его жалованье. Тут наш Олаф и предложил ему отработать долг, натаскивая нас. Но Джим отказался. Сказал, что согласен обучить только одного, да и то сам выберет, кого именно. Вот и выбрал тебя.

– И как он сможет меня обучить, если мы уже завтра прибудем в Раглан? Или он собирается ходить с нашим отрядом?

– Не знаю. Но если Олафу нанимать Джима, то о твоём обучении можно сразу позабыть. Услуги его стоят дорого, а плату он берет вперед.

– Значит, в Раглане он получит плату от графа, рассчитается с Олафом... И какого дьявола тогда я надрываюсь?!

– Говорю же, не знаю. Шел бы ты спать. Последний завтра день или нет, но с тебя он опять семь шкур спустит.

Совет был дельный, а потому Георг, тяжело вздохнув, решил им воспользоваться. Радовало одно – завтра все эти мучения закончатся, они распрощаются с Джимом и все вернется на круги своя. Правда, радость была с неприятным привкусом. Парень готов был учиться. Без дураков. Ему нравилось постигать искусство владения оружием. Но то изуверство, которое демонстрировал Джим... Хотя сегодня, когда наставник по-настоящему начал что-то показывать, Георг вдруг почувствовал подъем в душе. До этого его только мордовали бесконечными физическими нагрузками.

Если что-то и изменилось, то это относилось лишь к обучению владением клинком. А может, вчера было просто небольшое отступление. Потому что с утра все началось по-новому, и парень очень сильно сомневался, что урок повторится. Но Джим был неумолим, а Олаф во всем его поддерживал. Пришлось опять наматывать бесконечные мили на своих двоих, да еще и при полном снаряжении. В общем, все как всегда. Чтоб ему провалиться в преисподнюю!

Местность сильно поменялась. Она все еще оставалась равнинной, но было заметно, что начинаются предгорья. На это указывали множественные холмы, раскинувшиеся окрест. Беллона здесь заметно убыстряла свой бег, хотя все еще оставалась судоходной. Этот участок заканчивался буквально у Раглана или чуть дальше него. Но это уже не имело значения, потому что купеческие суда дальше и не ходили. По сути, именно район судоходства определил расположение столицы графства.

Дальше течение реки, зажатой между холмами (по сути, невысокими горами), становилось просто стремительным. Подъем вверх по течению требовал гораздо больше усилий, чем сухопутный маршрут. Хотя Беллона все еще была весьма полноводной.

Купец, с которым у Олафа был договор, речными маршрутами не пользовался, так что они исправно топтали землю. Их торговцу вполне по силам построить судно или купить готовое, тем более что весь его товар умещался в трех больших крытых повозках. Но речной путь был слишком удобен и использовался всеми подряд. Опасаясь конкуренции, тот предпочитал обходиться сухопутными маршрутами, причем не столь популярными среди других. Это приносило вполне приличный доход и позволяло торговать по завышенным ценам. Купчина уве-

ренно занимал свою нишу, не стремясь к большим высотам. Конечно, если подвернется случай... Но такового пока не наблюдалось, а сложившаяся ситуация его вполне устраивала.

На пути стали часто попадаться ручьи. Вихляя между холмами, они устремлялись к Беллоне, внося свою лепту в полноводность реки. Эти сравнительно небольшие потоки никак не могли быть серьезным препятствием. Глубина невелика, течение быстрое, но не бурное, дно каменистое, так что переправа не представляла особых проблем. Иное дело, что берега зачастую были обрывистые, участков с удобными подходами с обеих сторон было мало. Случалось, к одному броду сходилось две или три дороги, которые сразу после переправы начинали расходиться в разные стороны.

До этого путь лежал по холмистой, но относительно ровной местности, просматривавшейся довольно далеко и исключавшей внезапное нападение. Но теперь дорога начала вытягиваться в лощину между двумя холмами, по берегу небольшого ручья. По мере того как холмы сходились, сужалась и лощина, а склоны становились все круче. Холмы практически лишены растительности, если не обращать внимания на редкие кустарники и траву. Высота бурьяна порой достигала пояса.

Конечно, высокая трава способна укрыть человека, но только не на этих крутых склонах, где прячущийся будет виден как на ладони. Слева имеется терраса, где все же можно укрыться, но до нее шагов двести, что не очень удобно для нападения. Для уверенного выстрела далеко, даже для арбалета, караван ведь – не строй солдат. Неудобно и атаковать, если помчишься с такого склона, то быстро окажешься возле повозок (возможно, в тебя и не попадут), но остановишься, лишь когда пробежишь мимо и начнешь взбираться уже на обратный скат. А стоит отступить – полетишь кубарем прямо под ноги обороняющимся. Если не сломаешь себе все кости, то тебя запросто зарежут уже внизу. Нет, для засады место откровенно плохое.

А вот впереди весьма перспективный участок для возможных нападающих. Дорога вместе с лощиной делает изгиб и теряется за поворотом. Шагах в тридцати по обоим склонам начинаются заросли кустарника. Вот это уже совсем другое дело. Тут и дистанция для стрелков хорошая, и укрытие имеется, и разогнаться не успеешь, чтобы пролететь мимо. Интересное место.

Небольшой караван как раз приближался к этому участку. В голове двигались двое всадников, которые при необходимости выступали в качестве дозора. По бокам шли еще по три всадника, замыкал караван еще один. Десятый был пешим, но этот не шел, хотя двигался караван со скоростью пешехода, а практически все время бегал вокруг повозок. Наемники, возницы и сам купец, ранее взиравшие на это с улыбкой, уже не обращали на парня никакого внимания. Он примелькался и выступал как обязательный атрибут путешествия. Хотя по нему нельзя было сказать, что его ситуация устраивает.

Разумеется, Олаф не мог проглядеть опасный участок. Они здесь уже бывали и прекрасно знакомы с особенностями местности. Он привлек свистом внимание двоих передовых всадников и взмахом руки отправил их вперед. Говорить что-либо не было никакой необходимости. Может, они и не являлись превосходными бойцами, достойными оказаться в более престижном формировании, но вести охрану обоза их учить не нужно. Это вполне обычная практика. Они давно знали, что им надлежит сделать, только ждали приказа.

Пришпорив коней, парни быстро оторвались от своих плетущихся товарищей. Вот только их задача – не демонстрация лихости и скорости. Приблизившись к тому месту, где начинался кустарник, они пустили лошадей шагом. Сейчас им нужно определить, насколько безопасен проход, проехать дальше, за поворот, и успеть вернуться, чтобы подать сигнал. Все зависит от того, что именно они там обнаружат: либо это будет сигнал продолжить движение, либо тревога.

Вот они появились, и Дэн помахал над головой, словно подзывая товарищей. Остановившийся было караван снова двинулся вперед. Олаф выехал в голову и немного оторвался вместе

с еще одним наемником. Им предстоит поддерживать визуальный контакт с той парой. Когда они приблизились к повороту, Дэн с напарником двинулись дальше, а вторая пара остановилась у изгиба, наблюдая и за повозками, и за дозором.

Теперь в спешке нет никакой необходимости. Всадники движутся шагом, внимательно осматриваясь по сторонам. Эх, повырнуть бы все эти кусты, чтобы на нервы не действовали! Но некогда. Да и платят им не за содержание дорог в порядке, а графу, очевидно, не до того. Поговаривают, в Загросе отношение к этому делу очень серьезное: на сотню шагов вглубь ни кустика вдоль дороги. Другое дело – леса, но и там довольно широкие просеки. На лесных участках через каждые тридцать миль – заставы из полусотни стражников. Постоянно проводится патрулирование. Там разбойникам ох как непросто живется, не то что здесь – прямо-таки раздолье.

Стоп, а это что такое? В прошлый раз, получается, проглядели. Да и немудрено, это и сейчас не особо видно. Как будто кончик лука над кустом торчит. Наверное, тогда в них просто никто не целился. На лбу у Дэна тут же выступила испарина, а между лопаток побежала холодная дорожка. Оно и понятно: чтобы попасть с тридцати шагов в едущего шагом всадника, совсем необязательно быть отменным стрелком. Кольчуга в их отряде только у Олафа и у Джима, остальные щеголяют в панцирях из вываренной бычьей кожи, сложенной в пару слоев, или в стеганых куртках. С сотни шагов такой доспех вполне защитит от стрелы (разумеется, не бронебойной), но вот с такого расстояния...

А может, это просто сучок. Более внимательно присмотреться нет никакой возможности. Если там стрелок и он заподозрит что-то неладное, то тут же спустит тетиву. Да какой, к дьяволу, сучок! Между лопатками такой зуд, что Дэн непроизвольно повел плечами. Это уже куда хуже. Это в нем чутье на всякие нехорошие дела заговорило. Бывало, оно его и подводило, а страхи оказывались напрасными, но случалось это редко. Обычно эти страхи подтверждались. Лучше уж чутью поверить, чем отмахиваться, – целее будешь.

Дэн подвел коня вплотную к напарнику, так что их колени соприкоснулись, и рукой легонько коснулся бедра. Тот не новичок в своем деле, даже не подумал возмущаться насчет проснувшихся в спутнике неприятных поползновений. Первое правило – никогда не пренебрегай предупреждением товарища. Дать в морду или высмеять можно потом, сначала убедись, что нет опасности.

– Стра-а... стрелок, – не шевеля губами и коверкая слова, произнес Дэн.

– Угу. Расходимся, – в той же манере ответил напарник.

Сначала кони немного разошлись в стороны, все так же продолжая двигаться вперед, а когда между ними образовался зазор, всадники вдруг потянули поводья, пришпоривая лошадей и подкрепляя свою команду резкими выкриками и пригибаясь, насколько возможно. Лошади сначала присели, а затем рывком, почти в прыжке, выполнили команду. Все же хорошо, что наемники много времени проводили в седле. Будь иначе, при таком маневре их непременно выбросило бы из седла.

Первая стрела пролетела, когда они еще не закончили разворот. Затем стрелы полетели чаще и гуще. Но всадники уже успели пригнуться и спрятаться за телами животных. Теперь их достать практически невозможно, только если валить лошадей, но лошадь – это тоже добыча.

Понятное дело, эти кони стоят не столько, сколько стоят настоящие боевые и уж тем более рыцарские, но тоже не крестьянские лошадки. К тому же обученные, так что цена их не так уж мала. Конечно, вояки могут ими воспользоваться, чтобы сбежать, тогда никакой разбойникам добычи, ни оружия, ни коня. Но это ничего. Это, может, к лучшему. Разбойникам и того, что в повозках, хватит за глаза, хоть все пусть убегают. А может, все гораздо проще и причина в посредственном мастерстве лучников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.